

ПАЛЬНИКОВ М.С.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ –
90-е ГОДЫ XX В. – НАЧАЛО XXI В.
(Обзор)
Введение

Предпринятый в последнюю декаду XX столетия переход России на рельсы рыночной экономики привел к тому, что Российская Федерация оказалась в полной мере вовлеченной в глобальные процессы международной миграции населения, заняв по показателю валовой миграции одно из первых мест в мире. В результате внешняя миграция – как въезд, так и выезд из страны, особенно в виде безвозвратной миграции – стала важной составной частью общего процесса демографического развития РФ, отличительными чертами которого являются острый кризис и сокращение населения.

Влияние иммиграции выражалось в том, что она стала, особенно в первой половине 90-х годов, важнейшей положительной компонентой демографической динамики населения, не просто увеличивая его общую численность, но и положительно влияя на половозрастную структуру и репродуктивные установки. Эмиграция – безвозвратный выезд – также стала заметной составляющей демографического процесса хотя бы потому, что лежащий в основе данного явления выезд за рубеж на постоянное место жительства (ПМЖ) охватывал, особенно в последние годы, преимущественно молодежь. Уезжая, молодежь сокращала общую численность населения как на текущий момент, так и на перспективу.

Но безвозвратному въезду и выезду присущи не только демографические, но и другие характеристики. И иммиграция, и эмиграция тесно связаны как с количественным, так и с качественным составом населения, с тем, что принято называть человеческим ре-

сурсом, человеческим потенциалом: если бы эмиграция в количественном и качественном отношении в равной мере возмешалась иммиграцией, никаких проблем с нею в этом смысле не возникало бы. Но это не более чем умозрительное построение. В реальной жизни заменить уехавшего за рубеж основателя научной школы, молодого многообещающего ученого или специалиста, выдающегося деятеля культуры полностью равноценными личностями вряд ли возможно, ибо они неизбежно будут выступать носителями иной культуры и иной совокупности знаний, не говоря уже о национальных, этнических и иных особенностях. Даже в случаях, когда из стран СНГ в Россию возвращаются выросшие в схожей социальной и идеологической среде русские, татары, представители других коренных национальностей РФ, даже тогда вряд ли можно говорить об абсолютно равноценной замене. Между тем миф о равноценности подобного замещения достаточно живуч, несмотря на то что многие демографы уже длительное время бьют тревогу по поводу снижения интеллектуального потенциала страны.

Безвозвратный выезд оказывает негативное влияние и на генофонд, особенно в тех случаях, когда речь идет о так называемых «невестах на экспорт» (в последнее время упоминают также о «женихах на экспорт»), но прежде всего о «трафике женщин» – массовом нелегальном вывозе женщин криминальными структурами, в результате которого вовлечеными в секс-услуги за рубежом уже оказалось значительное число наших соотечественниц. Но в таких же размерах фактически сократился и отечественный генофонд. Отсутствие этих женщин впоследствии в полной мере даст о себе знать в форме новых неравномерных волн рождаемости среди российского населения.

Кроме выездов на ПМЖ, другие виды безвозвратного выезда совершенно не учитываются официальной статистикой, что сужает статистическую базу, лишает ученых возможности заниматься углубленным изучением данной проблемы и, главное, не гарантирует получение достоверных результатов. Как отмечается, в последние десятилетия значительное число исследований «не имело достаточно достоверной статистической базы» (63, с. 4).

Поэтому значительная часть научных разработок и публикаций по вопросам эмиграции из России по-прежнему носит ретроспективный характер; среди работ, имеющих отношение к новейшей, четвертой волне эмиграции, практически отсутствуют комплексные исследования именно данной проблемы. В подавляю-

щем большинстве работ, посвященных новейшему периоду эмиграции, этой проблеме, как правило, отводится лишь несколько страниц. Так, в книге В. Мукомеля «Миграционная политика России. Постсоветские контексты» (40) объемом в 351 с. данной проблеме отведено менее полутора страниц, в работе «Стратегия демографического развития России» (65) – менее 10 из 206 с. В фундаментальном шестисотстраничном труде «Демографическая модернизация России, 1900–2000» (16) о новейшей волне эмиграции вообще не сказано ни слова. Коренной причиной отмеченного выше казуса является все же острая нехватка достоверной статистики.

В последние годы появилось немало способов оказаться за рубежом и уже там постараться закрепиться надолго, если не всегда, на новом месте. И зафиксировать все подобные случаи формально легальных выездов скрытой целью стать эмигрантом крайне сложно.

В настоящее время можно выделить по крайней мере три вида эмиграции, из которых государственной статистикой в более или менее полном объеме (с поправкой на отложенные или отсроченные выезды) фиксируется только один: выезд на ПМЖ в соответствии с официальным разрешением. Но уже другому виду легальных выездов – на учебу – присуща скрытая, латентная форма эмиграции, когда по окончании учебы может последовать невозвращение. Анализ последствий данной формы миграции можно встретить у Л. Леденевой и Е. Некипеловой, установивших, что отсутствие строгих требований, предъявляемых к оформлению документов при выезде из России, ведет «к искажению представлений о реальных масштабах миграции за рубеж. Значительная ее часть в официальной статистике остается неучтеною» (33, с. 23).

Аналогичным образом изначально легальная временная поездка, когда за границу выезжают по туристическим, артистическим или гостевым визам, может стать лишь прикрытием для последующей эмиграции, когда по истечении срока действия визы принимается решение о невозвращении. Подобные случаи нередко имеют место и при выездах по временным трудовым контрактам под видом родственников действительно легальных эмигрантов, не говоря уже о фиктивных браках и других вариантах выезда.

И выезд на учебу, и иные, формально легальные виды миграции вообще могут стать преобладающими видами фактической эмиграции по мере сокращения численности желающих выехать на ПМЖ среди старших возрастных групп ученых и специалистов, деятелей искусства,

культуры и спорта и их замещения более прагматичной и мобильной молодежью. Но это как раз те случаи потенциальной эмиграции, которые не фиксируются официальной статистикой.

В итоге складывается – если уже не сложилась – парадоксальная ситуация, когда официально регистрируемая эмиграция может свидетельствовать о тенденции к снижению, но в действительности, как утверждают ряд ученых и специалистов, может либо расти, либо в лучшем случае оставаться на достигнутом уровне.

К этому следует добавить, что после принятия в ЕС ряда стран Центральной и Восточной Европы резко активизировалась миграционная активность отечественного, причем не только крупного, но и среднего и даже мелкого, бизнеса. Российские предприниматели, как ранее в Литве, а в последние годы на Украине, принялись активно скучать недвижимость в странах, которые в перспективе (к 2009–2010 гг.) могут стать членами ЕС. Особенно показателен пример Черногории, где буквально за несколько месяцев с момента провозглашения в 2006 г. независимости россиянами было приобретено в собственность немало кафе, ресторанов, мини-пекарен, частных домов и квартир, земельных участков. В меньших масштабах, но также достаточно активно приобретается собственность в Сербии (14, с. 7; 53, с. 4–5). Иначе говоря, в территориально близких к России странах, тем более со славянским населением, закладывается «матеральная база» для возможной волны бизнес-эмиграции.

Из-за разного рода изъянов отечественной статистики немногочисленные исследования современной волны эмиграции опираются главным образом на данные выборочных исследований и социологических опросов, личные наблюдения и интервью ученых при выездах за рубеж, статистику международных организаций, а также на оценки зарубежных авторов и ученых – выходцев из бывшего СССР, ныне живущих за рубежом. Широко применяются косвенные оценки. Хотя в итоге собранные подобными способами данные относят к числу качественных, достоверных показателей, их общим слабым местом является низкая сопоставимость, обусловленная применением разных методик сбора данных. К тому же самих исследований, касающихся эмиграции, еще слишком мало, для того чтобы можно было с уверенностью говорить об изученности рассматриваемой проблемы как в целом, так и в различных ее проявлениях.

Основные особенности четвертой волны эмиграции

«После распада Советского Союза, – пишет социолог Т. Юдина, – миграционные процессы на всем постсоветском пространстве стали органической частью всемирного движения населения. Постсоветские миграции вливаются в мировые потоки и сами подвергаются их влиянию» (81, с. 3–4). При взгляде на общую картину эмиграции из современной России бросаются в глаза ее такие особенности, как устойчивый характер и многообразие форм. Так, В. Ионцев считает, что со второй половины 90-х годов для России характерна стабилизация эмиграции в дальнее зарубежье на уровне 100 тыс. человек в год (25, с. 320). По расчетам Ж. Зайончковской, ежегодно на Запад уезжает порядка 50–60 тыс. человек (21, с. 33). По данным Ю. Крупнова (Институт мирового развития), за 2003–2005 гг. из России на ПМЖ выехало 280 тыс. человек, т.е. ежегодно в среднем выезжало по 93 тыс. человек (54, с. 4).

Что касается многообразия форм эмиграции в сравнении с предыдущими волнами, существенно иными стали участвующие в данном процессе группы и слои населения, причем ни одной из них не был присущ столь масштабный поток этнической эмиграции, ни одна не носила организованного характера «утечки умов», не было громадного ежегодного вывоза капитала, столь заметной женской эмиграции и т.д.

При более подробном анализе форм четвертой волны эмиграции следует отметить, что ряд авторов в первую очередь говорят о ее добровольном характере, что принципиально отличает ее от трех предыдущих волн, носивших либо вынужденный, либо принудительный характер и крайне далеких от какой-либо добровольности. При этом прежде всего имеется в виду то обстоятельство, что участники эмиграции новейшего времени покидали Россию на основании сугубо личного и в основном добровольного выбора, нередко сохраняя гражданство, юридические права, имущество и профессионально-деловые отношения. Подобной точки зрения придерживается, например, психолог А. Гуревич (15, с. 23).

В начальный период четвертая волна носила преимущественно этнический характер, образуясь за счет выезжавших евреев в Израиль, США и Германию, немцев в Германию и греков в Грецию. Мотивация к этнической эмиграции, объясняемая обычными в таких случаях

причинами (тяга к переезду на историческую родину, пережитые в России невзгоды и т.п.), переплеталась с желанием уехать из «нецивилизованной страны» с ее идеологией тоталитаризма, а также стремлением улучшить свое материальное положение. Некоторая часть мигрантов, особенно среди евреев, руководствовалась в своем решении религиозными чувствами (49, с. 31). Для большинства уезжавших это был действительно свободный выбор.

Однако уже с 1993 г., когда вступил в силу закон о свободе въезда и выезда для всех граждан России и возможность выезда получили лица других национальностей, начинает быстро нарастать эмиграция собственно русских, сочетающая в себе как добровольный, так и вынужденный характер, в последнем случае легко объяснимый широко распространившейся бедностью. Но в ряде случаев, например в отношении женской эмиграции, можно говорить и о вынужденном ее характере. Если же обратиться к бизнес-эмиграции, во многих случаях можно говорить о ее вынужденно-принудительном характере, что было особенно заметно в середине 90-х годов, когда капитал бежал от кровавых разборок, связанных с переделом собственности между частными компаниями и мафиозными структурами. Тогда зачастую главной задачей было оставаться в живых. В условиях, сложившихся в связи с дефолтом 1998 г., главной задачей стало спасение капитала. Затем последовали годы, когда окрепшее и располагающее валютными резервами государство само «заявило свои права на новый передел собственности уже со своим участием» (17, с. 11).

Сигналом к новому витку бегства капиталов их обладателей стало нашумевшее «дело ЮКОСа». Страну тогда покинули не только группы журналистов и специалистов по связям с общественностью, но и определенное количество предпринимателей и банкиров, что, с одной стороны, было формой протеста против действий властей, а с другой стороны, означало очевидный поиск собственной «большой защищенности» (49, с. 47). Очевидно, что и в том и в другом случае можно говорить о том, что бизнес-эмиграция носила вынужденный характер. Наконец, уже в последние годы, учитывая начавшийся активный процесс инвестиций в экономику зарубежных стран, можно говорить о том, что бизнес-эмиграция из России приобретает все более добровольный характер, хотя и сохраняет элементы вынужденности.

По формальным признакам к вынужденной эмиграции можно было бы отнести миграцию беженцев и лиц, ищущих политиче-

ского убежища, из Чечни. Однако и в данном случае сделать этого с полной определенностью нельзя, поскольку в последние годы, как и повсюду в мире, вынужденная миграция из этой республики все шире используется экономическими мигрантами.

Как известно, международными конвенциями по беженцам и национальным законодательством разных стран однозначно признается, что лица, покидающие свою страну ради того, чтобы повысить свой жизненный уровень или найти лучшую работу, не могут претендовать на статус беженца. В. Ионцев отмечает, что в данном случае имеет место очевидное смешение таких форм миграционного движения, как «вынужденная» и «добровольная» (24, с. 104). Тем не менее пусть и в необычных формах, но эмиграция чеченцев имеет место и в странах их расселения; в зависимости от степени симпатий или антипатии к России она может сознательно практиковаться как вынужденная.

Второй характерной особенностью четвертой волны эмиграции стал, по общему признанию, ее высокий интеллектуальный уровень. Присущий ранее этнической эмиграции евреев, этот уровень сохраняется на протяжении всего наблюдаемого периода, особенно в ярко выраженной форме «утечки умов». Правда, до сих пор нет четкого представления о том, что именно следует понимать под «интеллектуальной эмиграцией» и кого именно следует включать в группу лиц, подпадающих под категорию «утечка умов».

Как отмечает В. Супян, «одни исследователи включают в интеллектуальную эмиграцию только ученых, другие – ученых и инженеров, третьи добавляют к ним программистов, четвертые – всех лиц, имеющих высшее образование. Нередко к этой категории относят студентов и стажеров» (67, с. 42). Действительно, разброс точек зрения в этом отношении значителен. Так, О. Жаренова, Н. Кечил и Е. Пахомов считают, что интеллектуальную эмиграцию, т.е. выезд за рубеж на ПМЖ, следует понимать как миграцию «научных и преподавательских кадров высокой и высшей квалификации, реально или потенциально занятых научными исследованиями и разработками, а также обслуживанием этой отрасли». Не совсем ясно, в чем заключается различие между кадрами высокой и высшей квалификации, но главное заключается в другом: авторы данного определения рассматривают «интеллектуальную эмиграцию» и «утечку умов» как взаимозаменяемые термины, т.е. как одно и то же. Но они исключают из понятия «утечки умов» лиц творческих профессий, артистов,

работающих по контрактам, тренеров и спортсменов, т.е. всех тех, кто в своей деятельности не связан с наукой как таковой (20, с. 3).

Со своей стороны, Т. Юдина считает целесообразным выделять в потоке эмиграции в дальнее зарубежье следующие группы: «Интеллектуальную эмиграцию творческой интеллигенции, эмиграцию спортсменов, малоквалифицированных работников» – и далее поясняет, что «интеллектуальная эмиграция – это выезд из страны высокообразованных людей», тех, кто «имеют высшее и незаконченное высшее образование». Из последующих уточнений можно сделать вывод, что эмиграция ученых и элитных специалистов и есть «утечка умов» (81, с. 9–10). Если ориентироваться на эти определения, тогда только в период 1992–1999 гг. удельный вес высококвалифицированных специалистов в общей эмиграции из России возрос с 14 до 31% (25, с. 330).

Третья особенность эмиграции из России заключается в появлении ранее никогда не существовавшей массовой женской эмиграции вследствие стремительного вовлечения страны в глобальный процесс феминизации миграции населения и трудовых ресурсов. Помимо выездов за рубеж в составе семей или в связи с воссоединением семей возникли самостоятельные потоки миграции женщин, в том числе так называемый «трафик женщин» в качестве новейшей формы фактической торговли людьми. Главная особенность специфически женской эмиграции заключается в том, что она сопряжена с высокой степенью риска. Включаясь в миграционные потоки, многие женщины не подозревают, что одновременно с выездом за рубеж они рискуют стать жертвами торговцев людьми, что их могут «вести» сообщники этих торговцев уже в России, начиная с момента оформления выездных документов, и что путь в сексуальное рабство нередко начинается с безобидных с виду объявлений с приглашением на работу за границу домработницами, сиделками, нянями, танцовщицами, манекенщицами и т.п. с обещанием хороших условий работы и достойного заработка, против которых трудно устоять.

На большое количество сопутствующих женской эмиграции неожиданных поворотов судьбы обращают внимание Е. Красинец и Е. Тюрюканова. Желание выехать за рубеж любой ценой, не обладая элементарными знаниями в области трудового законодательства и правоприменительной практики, не зная языка и т.д., обворачивается тем, что их нередко превращают в проституток. Вместе с тем авторы отмечают, что «многие женщины делают это добро-

вольно», рассчитывая на «возможность получения сверхзаработков» (30, с. 103–105).

По оценкам МИД РФ, количество подобных осознанных решений принимает не менее 50% всех выезжающих женщин (48, с. 68). «Многие из них, направляясь на “заработки”, – пишут известные специалисты по проблемам иммиграционного контроля Т. Регент и Ю. Архипов, – выезжают в принимающие страны в соответствии с установленными процедурами прежде всего по туристической или “артистической” визе. Однако когда срок визы заканчивается, они оказываются вне закона и начинают кочевать, нигде подолгу не задерживаясь и стараясь скрыть свой статус нелегального мигранта» (57, с. 49). «Именно таким способом, – констатируют М. Боровик и Л. Шемберко, – в Европе оказались сотни тысяч российских женщин, часть которых работает в сфере услуг и развлечений, в ресторанах и барах или заняты на сезонных работах, но большинство из них находят работу лишь в сфере интимных услуг (3, с. 17).

Не гарантирует от неприятностей даже такая легальная форма женской эмиграции, какой является «экспорт невест». В средствах массовой информации можно встретить сообщения о том, что брак с россиянкой был заключен лишь с целью использовать ее в качестве «инкубатора» для рождения ребенка для бездетной семьи, что русских жен могли продавать без их ведома в публичные дома и т.п. В целом значительный процент таких браков заканчивается разводом и далеко не всегда женщины в подобных случаях хотят вернуться на родину, стыдясь морального осуждения, необходимости признаться в крахе своих надежд.

Американский социолог К. Бейлз, длительное время занимавшийся изучением проблем современного рабства, в предисловии к русскому изданию книги «Одноразовые люди» пишет о том, что «вывоз людей из России в качестве живого товара достигает двухсот тысяч человек и, по существующим на сегодняшний день оценкам, приносит организованной преступности доход до трех миллиардов долларов в год» (1, с. 6). Не случайно Россия наряду с Украиной и Молдавией относится ЕС к числу наиболее злостных нарушителей режима борьбы с работоговлей, являясь поставщиком женщин и детей, увозимых в целях проституции в страны Западной Европы, Ближнего Востока и Северной Америки (63, с. 18–23). Как отмечают эксперты ЕС, «действия правительства РФ в плане борьбы с данным видом преступлений все еще не соответствуют минимальным стандартам в области борьбы с торговлей людьми» (81, с. 22).

Как ни парадоксально это звучит, но безвозвратная, в том числе нелегальная, миграция из России носит во многом организованный характер и в этом заключается ее четвертая отличительная особенность. Подобное утверждение самоочевидно, когда речь идет, например, о выезде евреев в Израиль, организуемом службой «Сохнут», или же о депатриации этнических немцев, регулируемой миграционной службой Германии. Но фактически аналогичным образом организована и «утечка молодых умов». Как показано В. Быловым, для привлечения «мозгов» из России используются такие средства, как предоставление разного рода стипендий (типа материальной помощи, стипендий без дополнительных обязательств со стороны студентов, но с выражением благодарности, стипендии обучающимся в России, но с условием приезда в страну, выделившую стипендию, для выполнения определенного исследования, именные стипендии), а также грантов ученым. Помощь российским ученым, аспирантам и студентам оказывается не только в пределах России, но и за рубежом, что не может не стимулировать эмиграцию. Иностранные компании и разного рода фонды добились права отбирать кандидатов из числа студентов старших курсов ряда ведущих вузов страны. По сути дела, сформировалась разветвленная сеть представительств иностранных университетов, благотворительных фондов и корпораций, ориентированная на рынок образовательных услуг России, занятая вербовкой студенческой молодежи и более зрелых ученых и специалистов и обеспечивающая их переезд в развитые страны мира. Деятельность подобных учреждений активно поддерживается заинтересованными в этом государствами (63, с. 18–23).

Организованный характер носит и нелегальная эмиграция, в особенности отмеченный выше «трафик женщины». Причем это не только в чистом виде результат деятельности организованных преступных группировок, функционирующих как в России, так и за рубежом, где сложилась сеть посредников, состоящая из бывших российских граждан, «для которых нелегальная эмиграция стала прибыльным бизнесом» (3, с. 17), но и следствие сильнейшей коррумпированности миграционных служб (65, с. 181).

Широкое распространение получили изготовление и сбыт фальшивых документов, пользуясь которыми те же русские могут выдавать себя за евреев и, прибыв в Германию, Данию, Норвегию или иную страну под видом туристов, обращаться за политическим убежищем. Получив место в миграционном лагере и на достаточно продолжительное время обеспечив себе крышу над головой, питание и

денежное пособие, они используют время пребывания в лагере для поиска нелегальных источников существования (3, с. 17). Не брезгуют заниматься организацией незаконного выезда из России даже консульские службы иностранных государств. Так, достоянием гласности в августе 2006 г. стало увольнение группы коррумпированных сотрудников французского посольства в Москве, незаконно выдававших въездные визы. С их помощью разрешение на въезд во Францию по подложным документам мог получить каждый, но не за официальную таксу в 35 евро, а за тысячу и более евро. «Сотрудники, чья заработка составляла 1200 евро в месяц, купались в роскоши», – сокрушилась по этому поводу газета «Либерасьон» (45, с. 16).

Некоторая часть безвозвратной миграции из России связана с маятниковой миграцией так называемых «челноков» – с течением времени часть этих мелких предпринимателей, либо зная, либо освоив азы местных языков, превращалась в посредников, постоянно живущих в тех странах, где возникли «русские рынки», а это огромная территория – от Пномпеня и Нью-Дели до Стамбула (6, с. 44). Безвозвратный характер зачастую приобретает выезд в африканские страны по временным трудовым контрактам на работу на внутренних авиалиниях российских летчиков и авиационных механиков, а также моряков, обслуживающих рыболовный флот прибрежных стран. И в том и в другом случае причина для длительного пребывания на континенте одна – возможность заработать в условиях отсутствия местных квалифицированных кадров. В последнее время в африканских странах, в частности в ЮАР, стал формироваться рынок услуг российских охранных агентств (14, с. 7).

Таким образом, четвертая волна эмиграции из России характеризуется заметным разнообразием формирующих эту волну потоков мигрантов и устойчивым уровнем показателей миграции. Если же говорить о ее главной особенности, последняя заключается в том, что в настоящее время в эмиграции из России тесно переплетаются три формы безвозвратной миграции – добровольная, вынужденная и нелегальная.

Статистическое обеспечение исследований

Практически невозможно встретить книгу или статью по проблемам миграции, в которых не содержалась бы критика в адрес официальной статистики и не делалось оговорок по поводу полученных на ее основе результатов. Среди современных авторов

подобный критический настрой больше всех, пожалуй, присущ О. Чудиновских. В статье «Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики» она отмечает, что с середины 1990-х годов произошло резкое ухудшение качества учета мигрантов и что в настоящее время положение дел в этой области «можно считать критическим» (78, с. 176).

Это кризисное состояние выражается в том, что в стране нет национальной системы учета, которая давала бы правильное и полное представление о величине миграционных потоков и их структурных характеристиках. Действовавшая ранее отлаженная система текущего учета, опиравшаяся на жестко соблюдавшийся паспортный режим, предусматривала наряду с оформлением прописки по новому месту жительства, заполнение нескольких первичных учетных документов, в частности адресных листков прибытия (выбытия), направлявшихся на обработку в органы государственной статистики. Когда в 90-е годы в институт прописки вносились изменения, законодатели не учли, как это может отразиться на учете миграционного движения. В результате статистическим учетом перестали охватываться многие виды внутренней миграции и иммиграции. «Еще хуже, – констатирует О. Чудиновских, – обстоят дела с учетом выбытия из России. В соответствии с законодательством люди, меняющие место жительства, не обязаны сниматься с регистрационного учета в прежнем месте. Если переезд осуществляется внутри РФ, отметка о выбытии делается после того, как из паспортного стола по новому месту жительства поступает информация о прибытии мигранта. В отношении международной миграции эта процедура стала невозможной. С регистрационного учета снимаются, вероятно, только те люди, которые продают свое жилье в связи с выездом на ПМЖ из России. Остальные имеют полное право с регистрационного учета не сниматься» (78, с. 181). Поскольку в последние годы практически все страны, в которые направляются основные потоки российских мигрантов, перестали требовать документы о снятии с регистрационного учета, возникли значительные расхождения при определении объемов миграции из России в данных российской статистики и статистики стран прибытия. «По некоторым оценкам, – отмечает О. Чудиновских, количество иммигрантов из России, фиксируемое зарубежными источниками, как минимум на 20% превосходит данные МВД. Как следствие и публикуемые Госкомстатом данные о миграционном сальдо далеки от реальности» (78, с. 182).

Если учесть, что автором анализируются также другие случаи несоответствия официальной статистики реальным миграционным процессам (причем, имеющие место всякий раз, когда происходит очередная смена действующих правил учета и регистрации), трудно не согласиться с выводом О. Чудиновских о том, что «информация, публикуемая Госкомстата, не может служить основанием для серьезной практической работы ученых и негативно влияет на развитие отечественной науки» (78, с. 188).

Между тем новые системы учета пока не созданы либо только создаются. Наряду с этим имеют место попытки использовать другие, «альтернативные» (типа пограничной статистики) источники данных, как правило, не отвечающие критериям полноты и точности и не обеспечивающие сбор необходимых статистических данных. В то же время открытая государственная статистика все чаще подменяется закрытыми ведомственными источниками, которые используют ненадежные методы сбора информации и потому не могут считаться достаточно достоверными (78, с. 176).

Выражая озабоченность по поводу утраты действовавшей на протяжении многих десятилетий системы текущего учета, ряд авторов считают, что причинами создавшегося положения стали как принятые в последние годы федеральные законодательные акты в сфере миграции и гражданства, так и внутренние инструкции МВД, формально ответственного за текущий учет движения населения, но на деле не считающего данный учет своей прямой обязанностью.

Негативные последствия имевших место изменений в практике учета дополняются сложностью учета выездов из-за ложно указанных целей выезда. Так, О. Жаренова, а также Т. Юдина считают невозможным судить об истинных масштабах интеллектуальной эмиграции по данным УВИР МВД на том основании, что данные этого учреждения не отражают реальное положение дел. Причина заключается в том, что выезд с формулировкой «на постоянное место жительства» уже давно не является преобладающим, поскольку по чисто практическим соображениям – даже если речь идет о безвозвратном выезде – как принадлежащие к элите ученые, так и начинающая научная молодежь предпочитают выезжать за рубеж по временным контрактам (20, с. 31; 81, с. 10).

Проблемы неполноты охвата, возникающие в том числе по причине сокрытия выезжающими своих истинных намерений, могут дополняться несопоставимостью данных, относящихся к разным периодам миграции. Так, А. Топилин и И. Малаха, а также

О. Жаренова и ее коллеги отмечают факт несопоставимости сведений об ученых, выезжавших за рубеж до 1992 г. и после этой даты, возникший в результате перевода данной категории мигрантов из одной учетной группировки в другую. Вплоть до 1992 г. научные кадры учитывались в группе «служащие», включавшей не только высококвалифицированный персонал, но и значительно более широкий круг кадров. Когда в 1992 г. УВИР МВД ввело новую форму сводки данных о выездах с использованием группировок выезжающих по отраслям народного хозяйства и ученые стали учитываться в отрасли «наука и образование», подсчет общей численности ученых, работающих за рубежом, вернувшихся на родину и ежегодно выезжающих за рубеж, с использованием данных за 1988–1991 гг. оказался невозможным (20, с. 11; 69а, с. 62).

В итоге в исследованиях можно встретить оценку численности выехавших только в Западную Европу в 5 млн. человек, а всего, по оценкам, за годы реформ Россию покинули около 8–9 млн. человек (49, с. 35). Сообщается о прогнозах, согласно которым до 2015 г. могут уехать от 7 млн. до 11 млн. человек (81, с. 11). Очевидно, что, если подобные прогнозы сбудутся, все нынешние расчеты на поддержание стабильной численности населения окажутся несбыточными. В случае подобного развития событий имеющие место существенные пробелы статистического учета могут стать причинами серьезных просчетов в миграционной и демографической политике государства, в целом в народнохозяйственном комплексе.

Причины и мотивы эмиграции

Значительно лучше, чем со статистическим обеспечением исследований, обстоят дела с изучением причин и мотивов эмиграции, хотя и в этом случае достигнутые результаты еще далеки от уровня научно обоснованных практических рекомендаций по минимизации причин и поводов для появления миграционных настроений, особенно в тех случаях, когда они могут быть реальнонейтрализованы или даже полностью сведены на нет.

Главный мотив эмиграции, по мнению В. Орешкина, – разница в уровнях оплаты труда в странах-донорах и в странах-реципиентах, достигающая нескольких десятков раз (47, с. 74). Международная статистика свидетельствует о том, что Россия в данном отношении не только катастрофически отстает от таких стран, как США, Япония, Канада, Великобритания, Израиль и

др., но и от некоторых развивающихся стран-доноров. Так, в Стамбуле инженер в течение года зарабатывает 43 687 долл., в Варшаве – 15 367 долл., даже в Найроби – 5268 долл. против 3512 долл., получаемых за год инженером в Москве (80, с. 9). Неудивительно поэтому, что, приезжая в США, даже обремененные степенями и званиями ученые соглашаются трудиться за 1500 долл. в месяц, что меньше ставки простого лаборанта (56, с. 17).

Социологам объяснение причин и мотивов к эмиграции разницей в оплате труда представляется слишком простым и потому недостаточным. Так, в монографии Е. Красинца «Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку» (первом исследовании, в котором эмиграция рассматривается практически в полном объеме, а не только лишь как «утечка умов») утверждается, что при всей очевидной значимости экономических факторов в возникновении мотиваций миграционного поведения данные социологических обследований не позволяют однозначно отдавать приоритет чисто экономическим причинам. Миграция находится под непосредственным влиянием как факторов макроуровня внешней среды (политическая система, уровень экономического развития страны, занятость, доходы населения, потребление, экологическая обстановка, миграционная политика), так и под опосредованным влиянием факторов микроуровня – социальной среды, потребностей, ценностных ориентаций и приоритетов (30, с. 30).

По мнению Е. Красинца, в середине 90-х годов в структуре мотивов эмиграции доминировали мотивы, связанные с разочарованием в перспективах проводимых в российском обществе реформ. Об этом свидетельствовали результаты опросов: «обеспокоенность будущим своих детей» ставили на первое место 48% опрошенных респондентов. Не исключая, что приоритет мотива «будущего детей» был связан с семейным характером эмиграции немцев, евреев и греков, Е. Красинец полагает, что за этим мотивом скрывалось прежде всего «социальное настроение общества, общее неверие в перспективы российской экономики». Факторы, которым был присущ отчетливо выраженный экономический характер, занимали второе место (свыше 40% опрошенных) (30, с. 31).

Вместе с тем в книге можно встретить выводы иного характера. Так говоря о причинах выезда высококвалифицированных специалистов из Москвы, автор пишет, что «главные из них – экономические». Большинство опрошенных ученых предпочли бы быть бедными в Америке, «чтим иметь средний достаток в России» (30, с. 72–73).

Призыв не ограничиваться только экономическими и демографическими характеристиками мигрантов и более глубоко изучать масштабы, направление и состав миграционных потоков, а «также факторы, определяющие мотивации решений мигрантов о перемещении и выборе места предназначения» можно встретить у социолога Т. Юдиной (81, с. 201).

В свою очередь, психолог Н. Лебедева полагает, что «несмотря на то что эмиграция четвертой волны многими специалистами рассматривается прежде всего как экономическая, не все так просто. Многочисленные исследования показывают, что, несмотря на важность экономических факторов, люди все-таки не являются “экономическими максималистами”. Более важными причинами, хотя часто и неосознаваемыми, являются причины психологического характера...» (31, с. 150). И поясняет свое восприятие проблемы следующим образом: «Поиски лучшей жизни – безопасости существования, комфортного жилья, благоустроенного быта, лучшей жизни для своих детей, более успешной профессиональной самореализации – вот что срывает с места миллионы людей в современном мире, влечет их навстречу часто неосознаваемым трудностям, а иногда и подлинным трагедиям» (31, с. 143–144).

При всем разнообразии причин, побуждающих людей становиться мигрантами, бесспорно наличие у выезжающих за рубеж стремления к улучшению материальных условий существования. В приведенной выше цитате из работы Н. Лебедевой две из шести упомянутых мотиваций, а именно «комфортное жилье» и «благоустроенный быт», очевидно, относятся к самой категории. Судя по результатам интервьюирования, полученным А. Гуревич, из 65 мотиваций рапатриации в Израиль к мотивациям, связанным с улучшением материального положения (включая надежды на стабильные социальные льготы, а также на более высокое качество медицинского обслуживания), относятся 16 ответов, занимая второе место после мотиваций психологического характера (15, с. 223–224). При этом следует иметь в виду, что опросы проводились в эмигрантской среде с высоким удельным весом интеллектуалов, относившихся к числу материально обеспеченных людей, для которых соображения материального порядка могли не играть решающей роли. Но в другой, например, преимущественно русской среде, также включающей значительное число лиц с высшим образованием, многие причины психологического характера (ожидание возвращения на историческую родину, потребность в религиозном начале, этнической идентификации, опасе-

ния проявлений антисемитизма, наличие родственных связей и др.), естественно, отсутствовали бы, и чисто материальные факторы, очевидно, играли бы определяющую роль.

Показательны в этом отношении результаты опроса, проведенного в 2001–2002 гг. в Португалии и ставшего возможным после того, как там была осуществлена легализация мигрантов, в ходе которой было выявлено свыше 6 тыс. нелегально проживавших в стране россиян. В числе «факторов выталкивания» из России респондентами были названы такие, как «плохое финансовое положение» (56,7% опрошенных), «проблема с работой» (24,7%), «низкий уровень жизни» (8,7%), «отсутствие жилья» (4,7%). В качестве других причин выездов назывались: «стремление путешествовать» – 7,3%, «политические проблемы» (среди них центральная – «коррумпированность власти») – 5,3, «психологические проблемы» (главным образом, «семейные неурядицы») – 4,0 и «воссоединение семьи» – 4%. Результаты опроса однозначно свидетельствовали, что экономические мотивы эмиграции были преобладающими. Показательно, что среди участников опроса 77% имели высшее университетское, высшее профессио-нально-техническое и среднее образование, тогда как в Португалии работники такого уровня квалификации составляли лишь 7,7% общей численности рабочей силы. И несмотря на это, 40% опрошенных мужчин были всего лишь подсобными строительными рабочими, а 20% женщин работали уборщицами (70, с. 22). На этот парадокс – разрыв между уровнями образования въезжающих за рубеж россиян и теми реальными условиями занятости, которые им нередко предлагаю-т на Западе, – уже давно обращают внимание отечественные спе-циалисты. Во всяком случае, это не только серьезная экономическая, но и морально-этическая проблема. Устранение отмеченных выше экономических причин для выездов на ПМЖ могло бы не только исправить нелепую ситуацию, когда при нарастающей нехватке рабочей силы в собственной стране выезжающая за рубеж квалифицированная рабочая сила используется в зарубежных странах в качестве малоква-лифицированной, но и предотвратить такие серьезные жизненные коллизии, как утрата социального и профессионального статуса.

Значительным разнообразием мотиваций отличается миграция ученых и специалистов высшей квалификации, а также студен-ческой молодежи, выпускников вузов и аспирантов. Помимо не-коего стандартного набора общих для всех этих категорий потенциальных мигрантов и эмигрантов причин типа «низкий жиз-ненный уровень», «желание улучшить материальное положение»,

«иметь стабильный доход» и т.п. большинство ученых – и нередко в первую очередь – отмечают желание не просто иметь приносящую даже высокий доход работу, но и такие условия труда, которые позволяли бы полностью реализовать свой научный и творческий потенциал, желание продолжить творческий рост, находясь в окружении сильного научного коллектива, возможность работать в современных лабораториях. Среди этой группы мигрантов на первых порах были также сильны политические и психологические мотивы, характерны определенная смена настроений, изменения в комбинациях побудительных мотивов к выезду.

Если в первые годы реформ нередкими были политические мотивы типа стремления «полностью избавиться от наследия тоталитарного прошлого», разного рода идеологического контроля, желание полной грудью вдохнуть воздух «западной свободы», то в дальнейшем причины для миграционных настроений существенно меняются. Когда недофинансирование науки приняло хронический характер и для многих стала очевидной невозможность реализовать свой творческий потенциал на прежнем месте работы уже не по политическим и идеологическим причинам, стал падать престиж науки, а первоначальный энтузиазм сменился для многих чувством близыходности и острого недовольства условиями, в которых оказалась отечественная наука, в научной среде усиливается ощущение личной уязвимости и незащищенности. На умонастроения удручающее воздействуют неясные перспективы продолжения карьеры, невостребованность творческих способностей и профессиональных знаний со стороны государства и общества. Помимо мотиваций личного плана в условиях хронического недофинансирования науки и производства увеличивается количество общих причин для недовольства ученых и высококвалифицированных специалистов низким уровнем научно-информационного и материально-технического обеспечения теоретических исследований и разработок, отсутствием современного оборудования, медленностью внедрения результатов научных исследований в производство. Усиливается недовольство незащищенностью прав собственности на продукты интеллектуального труда, материальными, информационными и другими ограничениями возможностей общения с зарубежными коллегами, ограниченностью доступа для талантливых молодых ученых с периферии к крупным научным центрам из-за сложностей с электронной связью и творческими командировками.

В результате в короткие сроки возникли по существу все необходимые условия и предпосылки для развития массовой эмиграции ученых и специалистов за рубеж, получившей название «утечки умов». Это явление детально проанализировано в работах таких известных демографов и экономистов, как В. Ионцев, Л. Рыбаковский, И. Ушканов, А. Топилин, И. Малаха, Ж. Зайончковская, и многих других специалистов. По мере сокращения численности ученых и специалистов старших и средних возрастов, зачастую уезжающих за рубеж на свой страх и риск, в «утечке умов» все большую роль начинает играть научная молодежь, и, как становится все более очевидным, мотивации молодежи все меньше формируются на уровне суверенной личности. Их подменяет стандартный набор конкретных предложений со стороны западных университетов, разного рода благотворительных и научных фондов, частных компаний, подкрепленный мерами материального стимулирования, а также облегченными условиями въезда в страну проживания. Со своей стороны, молодежь, которой предлагается пусть жесткий, но конкретный выбор, также начинает диктовать свои «правила игры», когда речь заходит либо о невыезде, либо о возвращении, предлагая своего рода «мотивации к невыезду или возвращению» – ряд требований, на которых она готова остаться и не уезжать либо вернуться на родину по завершении процесса образования.

Эта более современная модель «утечки молодых умов» активно исследовалась в работах Л. Леденевой, Е. Некипеловой, Е. Тюрюкановой и других ученых. В обобщенной форме выявленные ими претензии молодежи были сформулированы В. Супяном. Среди них: высокая заработка плата; наличие высококлассной профессиональной среды; возможность быстрой профессиональной карьеры; международные профессиональные контакты; зарубежные поездки; доступ к новейшим информационным технологиям и средствам связи; работа в престижной фирме, независимость и свободный рабочий график; долгосрочная и стабильная занятость; возможность участвовать в выработке политики; возможность получить работу в определенном городе России. Как считает В. Супян, большинство этих требований «пока не выполнимы» (67, с. 43).

Важной составной частью эмиграции из России является бизнес-эмиграция. Утверждается, что данный процесс уже давно носит устойчивый характер (15, с. 24; 66, с. 164). В этом утверждении есть доля истины с учетом того, что изначальный всплеск бизнес-эмиграции был связан с эмиграцией евреев, что косвенно подтвержда-

ется тем фактом, что уже с середины 90-х годов часть из них, в первую очередь те, кто хотел заняться бизнесом, стали возвращаться из Израиля, не сумев наладить там собственное дело (59, с. 52). Но все-таки это был частный случай, как и бегство капиталов криминального происхождения. О возможности масштабной бизнес-эмиграции, к которой подталкивали объективный процесс накопления солидных долларовых авуаров и стремление уйти с рискованных рынков, к каковым все еще относится Россия, видимо, можно говорить лишь со второй половины 90-х годов и даже начала XXI в. Как отмечалось, особенно наглядно стремление избежать рисков продемонстрировало «дело ЮКОСа» (17а, с. 11; 49, с. 47).

Связанные с рисками мотивы поведения были и остаются характерными для тех владельцев крупных капиталов, которых относят к так называемой «зеленой эмиграции» (по цвету денежного знака США) и которым есть что терять в случае гиперинфляции, девальвации национальной валюты, но особенно в случае экспроприации.

В последние годы ряды бизнес-эмигрантов пополняются представителями среднего и даже малого бизнеса. Их стремление к приобретению активов за рубежом диктуется такими причинами, как конфликты с российскими властями из-за поборов и притеснений; налоговым давлением, которое во многих странах заметно слабее; расчетом на развитие бизнеса в более приемлемой обстановке, пусть даже и в условиях жесткой конкуренции, но при надежной законодательной базе и минимальной коррупции, что позволило бы ощутить себя реальным собственником (14, с. 7).

Как свидетельствует президент общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» С. Борисов, предпринимателям этой категории приходится сталкиваться в повседневной практике с множеством проблем, в том числе морально-психологического плана. Те, кто открывает собственное дело, подвергаются моральному унижению со стороны налоговиков, многочисленных инспекторов и контролеров. Сознательно внедряется отрицательный образ предпринимателя; населению и самим предпринимателям настойчиво внушается мысль, что в лице малого и среднего бизнеса общество имеет дело с потенциальными преступниками, за которыми нужно неусыпно следить и держать под постоянным контролем. «Действующие подзаконные акты и инструкции позволяют квалифицировать каждый шаг предпринимателя как правовое нару-

шение» (2, с. 5)¹. Административное давление дополняется денежными поборами. По оценкам экспертов организации, для того чтобы сохранить свое место в бизнесе, 37,8% мелких и средних предпринимателей приходится ежемесячно уплачивать дань в размере от 1 тыс. до 3 тыс. рублей, 23,9 – от 3 до 10 тыс., 15,3% – свыше 10 тыс. рублей. В итоге на долю мелких и средних предпринимателей приходится 70–80% от всей суммы взяток, которые бизнесу приходится выплачивать бюрократии. «С проверкой приходят в первую очередь к ним: ведь в отличие от крупных фирм у них нет денег на постоянную юридическую защиту. А чем слабее объект, тем жестче, бесцеремоннее отношение к нему» (2, с. 6). Отметим, что С. Борисов, говоря о 70–80% от суммы взяток, имел в виду «знаменитую» «цифру Сатарова» – озвученную этим специалистом в 2002 г. сумму взяток в России в 36 млрд. долл. в год.

Логично предположить, что в подобной обстановке административного произвола, когда, с одной стороны, в сознание предпринимателя настойчиво внедряется представление о его ущербности, а с другой стороны, из него делают «дойную корову», мысль о том, чтобы навсегда уехать из России уже не представляется сверхъестественной. В результате в последние три-четыре года симптомы данного явления действительно становились все более очевидными (49, с. 48). Подталкивать к выезду за рубеж предпринимателей среднего уровня, особенно тех, кто является владельцем более или менее успешных предприятий, могла также получившая в последние годы широкое распространение практика так называемого рейдерства – по сути дела насилиственного отъема собственности с помощью преднамеренного банкротства, весьма далекая от сопутствующих рыночной экономике процессов слияний и поглощений. Сценарий захвата примерно одинаков: сначала предприятие стремится любыми способами обанкротить, затем взять в свои руки управление, выкачать активы, после чего продать, возможно, даже прежнему владельцу, но уже за значительно большую сумму денег.

Параллельно, на протяжении всей новейшей российской истории укрыться за границей и спрятать там свои капиталы стремилась

¹ Схожим образом оценивает ситуацию известный предприниматель (к сожалению, безвременно ушедший из жизни) Александр Паникин, сам проделавший путь от рядового кооператора до руководителя крупного концерна: «Самая энергичная часть населения, движущая сила нации, ее экономическая элита поставлена в положение какого-то полукриминального сообщества – каждый ведущий свое дело, от “челнока” до директора крупного предприятия, **заведомый преступник**» (51, с. 10).

организованная преступность. Сколько таких нелегалов осело за рубежом, знают, возможно, только органы правопорядка и государственной безопасности. Что касается мотивов бегства, они очевидны. Это стремление избежать ответственности, максимально быстро отмыть полученные преступным путем доходы и, если удастся, пустить деньги в легальный оборот. Однако и за рубежом для большинства подобных эмигрантов более привычными остаются их традиционные занятия – финансовые махинации, мошенничество, незаконная торговля наркотиками и оружием, поставка на международный рынок «живого товара» и человеческих органов, игорный бизнес (3, с. 17).

Сложный психологический, экономический и социальный подтекст имеет женская эмиграция. Причины, по которым происходит исход из России женщин, в целом известны. Женщины составляют около 70% всех безработных, они образуют большинство занятых в низкооплачиваемом в своей основе бюджетном секторе экономики. Ежедневная борьба за существование, основной груз которой ложится на плечи женщин, стимулирует их желание искать счастья в других странах. Для многих из них сильным мотивом к эмиграции является возможность получить университетскую степень в зарубежном университете, «добиться свободного владения» английским языком. Но все же, как считает психолог О. Маховская, «решающий фактор женской эмиграции – кризис семьи, последнего пристанища, которое могло бы дать молодой женщине защиту и поддержку в долговременной перспективе» (38, с. 128). Основываясь на результатах интервью с выезжающими за рубеж для работы женщинами, Е. Красинец и Е. Тюрюканова приходят к выводу, что наряду с целями профессиональной реализации в намерениях многих женщин наряду с ними, «а может быть, и в первую очередь», всегда присутствует цель устроить свою жизнь, выйдя замуж (30, с. 102).

Демографы к этому могли бы добавить, что дело заключается не только в кризисе семьи, но и в резко возросшей проблематичности создания самой семьи. Уже длительный период времени имеет место определенный дисбаланс полов, обусловленный высокой смертностью мужчин трудоспособного возраста. Численное равенство полов сохраняется примерно до 30 лет, после чего численность мужчин начинает сокращаться. В результате множество женщин оказываются обреченными на вынужденное безбрачие. Помимо чисто физической нехватки мужчин не менее актуальным является качество «мужского материала». Высокий удельный вес неполных семей, в которых главой семьи в подавляющем большинстве случаев

является женщина, приводит в отсутствие примера мужской роли к таким негативным последствиям, как инфантильность юношей, неспособность быть полноценными главами семей. Все более заметными препятствиями на пути формирования семьи становятся удлинение сроков получения образования, начала карьеры, сдвиг времени вступления в брак к 30-летнему возрасту; опережающий рост численности женщин с высшим образованием, которым затем не хватает адекватных их уровню партнеров; общий невысокий уровень жизни населения, не позволяющий обзаводиться семьей как женщинам, так и мужчинам. Отсюда продиктованное конкретными жизненными обстоятельствами естественное стремление женщины уехать на Запад в надежде встретить нормального мужчину, способного жить в браке и содержать семью, что убедительно показано в работе Е. Красинца (30, с. 90–100).

Важным стимулом к развитию эмиграции еще из Советского Союза, а затем и России стало предоставление в 1989 г. права на эмиграцию евреев, немцев и греков. Изменения в политике применительно к этнической эмиграции, активная пропаганда идеи возвращения на «историческую родину», а также привлекательные условия репатриации придали сильный импульс ее развитию, на многие годы обеспечив приток в Израиль и Германию, а также в США и другие страны рабочей силы и интеллектуального потенциала. Менее известны результаты репатриации в Грецию. В любом случае четыре мотива – поиск этнической идентичности, возможность и стремление вернуться на «историческую родину» и принести там пользу, уважение к правам человека и лучшие материальные условия жизни – играли при этом определяющую роль.

В пореформенный период в России в небольших объемах сохранялась вынужденная эмиграция, связанная по преимуществу с событиями в Чечне. Диапазон мотиваций в данном случае простирался от поиска убежища в связи с военными действиями или преследованиями по религиозным и политическим мотивам до желания получить официальный статус беженца в качестве прикрытия обычной экономической миграции вследствие отсутствия иной возможности выехать за рубеж. Нередки случаи, когда чеченский язык специально учили для того, чтобы выдать себя за чеченцев и получить юридические основания для эмиграции.

В целом можно констатировать, что причины и мотивы к выезду за рубеж для основных контингентов эмигрантов в настоящее

время отличаются большим разнообразием, одновременно тесно переплетаясь между собой.

Количественные и качественные показатели. География расселения

На начальном этапе четвертой волны эмиграции вплоть до 1993 г., когда был принят закон, предоставивший право выезда всем гражданам России независимо от их национальности, потоки мигрантов совпадали с маршрутами миграций этнических меньшинств – немцев, евреев, греков, армян. Подавляющее большинство этнических немцев следовало в Германию, греков – в Грецию. Несколько большим спектром рассеяния отличалась эмиграция евреев, выезжавших не только в Израиль, но и в Германию, США, Канаду и некоторые другие страны. Преимущественно в США выезжали армяне. Но одновременно в составе смешанных семей происходила эмиграция русских, а также представителей других национальностей.

Таблица 1
**Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья
по национальным группам, 1993–2000 гг.**

Годы	Этнические группы (%)								
	русские		немцы		евреи		другие		всего
1993	21,3	18,7	47,5	41,7	14,0	12,4	31,0	27,2	113,8 100,0
1994	24,1	22,8	47,1	44,6	13,7	12,8	20,6	19,8	105,4 100,0
1995	28,8	26,1	51,3	46,5	12,8	11,6	17,4	15,8	110,3 100,0
1996	29,2	29,5	38,6	39,1	12,5	12,6	18,3	17,8	98,5 100,0
1997	29,8	35,3	30,0	35,5	9,5	11,4	15,1	17,8	84,4 100,0
1998	29,3	36,4	28,3	35,2	7,3	9,3	15,4	19,1	80,3 100,0
1999	34,5	40,4	28,0	32,8	9,0	10,7	13,8	16,1	85,3 100,0

Источник: 25, с. 323.

Начало массовой эмиграции немцев обычно датируют 1989 г. – временем падения «берлинской стены». В Германию выехало с территории бывшего СССР (тыс. человек) в 1990 и 1991 гг. по 33,7, в 1992 г. – 62,7, в 1993 г. – 73,0, в 1994 г. – 69,5, в 1995 г. – 79,6. Всего в этот период из России уехали 318,5 тыс. этнических немцев и членов их семей. Если, по данным переписи 1989 г., на территории России проживали 842 тыс. этнических немцев, к нача-

лу XXI в. их численность сократилась до 300 тыс. человек. Иначе говоря, общее число эмигрантов данной этнической группы составило более полумиллиона человек, и это была самая большая группа выехавших на ПМЖ (5, с. 217–220). В пятилетие 2000–2005 гг. к ним прибавилось еще 195,2 тыс. человек (17, с. 518).

В силу известных исторических обстоятельств (массовой депортации немцев, проживавших на территории СССР в годы Второй мировой войны) большинство немцев оказались в отдаленных сельских местностях и были ограничены в возможности получения высшего образования, эмиграция этнических немцев по своему интеллектуальному потенциалу заметно уступала потенциалу и евреев, и русских. Сравнивая структуры миграционных потоков, образуемых теми, кто выезжает на ПМЖ в качестве этнических эмигрантов, и теми, кто относится к временным трудовым мигрантам, О. Жаренова и ее коллеги отмечают, что в первом случае структура эмигрантов «в значительной степени определяется профессиональной и квалификационной структурой работников соответствующей национальности в стране выезда. Именно поэтому среди выезжающих в Германию столь велика доля лиц, работающих в сельском хозяйстве, в Израиль – в науке, образовании, здравоохранении, культуре (20, с. 15).

Несмотря на отмеченную особенность, массовая репатриация этнических немцев была, по крайней мере на первых порах, выгодна Германии как в демографическом (восполнялись военные и естественные потери лиц коренной национальности), так и в экономическом плане (снижалась потребность в импорте рабочей силы из других стран, заполнялись рабочие места на нижних ступенях производственно-иерархической лестницы, занимать которые откликывались «коренные» немцы). Однако в дальнейшем по мере сокращения удельного веса лиц собственно немецкой национальности в составе репатриантов (по некоторым оценкам, в последние годы они составляли 15–20% от общего числа репатриантов) принимающая сторона была вынуждена пойти на уменьшение квот на въезд и на содействие в обустройстве этнических немцев в местах их нынешнего проживания на территории РФ.

В 1989 г. благоприятные возможности эмигрировать в Германию открылись для евреев. Однако увеличение количества выездов лиц данной национальности в эту страну началось годом позже, одновременно со скачкообразным ростом количества выездов в Израиль. Длительное время эмиграция евреев в Германию существенно усту-

пала по своим масштабам эмиграции в США и тем более депатриации в Израиль. Германия стала опережать США лишь с 1997 г. и Израиль – с 2002 г. (см. табл. 2). Вообще же период 1989–1991 гг. был поистине впечатляющим: за эти три года из Советского Союза в Израиль, Германию и США выехали 455 779 человек против 296 242 человек за предшествующий 40-летний период 1948–1988 гг., прошедший со дня основания Израиля (53, с. 6). Уже в 1992 г. общее число выездов оказывается заметно ниже – 115 741 человек против 188 282 человек в 1991 г. В последующие годы – за исключением лет, обнаруживающих явное влияние дефолта 1998 г., – уровень эмиграции в Израиль и США последовательно снижался и с некоторыми колебаниями вплоть до 1997 г. возрастал для Германии.

Начиная с 1999 г. уровни эмиграции последовательно снижаются по всем трем направлениям, свидетельствуя о приближении времени исчерпания миграционного потенциала указанных этнических групп. Более того, в последние годы эмиграцию (по крайней мере когда речь идет об Израиле) все заметнее начинает уравновешивать реэмиграция. В целом за период 1989–2003 гг. из СССР и в дальнейшем из РФ и стран СНГ выехали 1 421 611 человек (53, с. 6), в том числе 300 194 человека выехали из РФ в Израиль (59, с. 50).

Таблица 2

Эмиграция евреев из бывшего СССР по основным направлениям в 1989–2003 гг. (человек)

Годы	Израиль	США	Германия
1989	12 932	36 114	568
1990	185 230	31 645	1 008
1991	147 839	35 245	51 98
1992	66 093	45 871	3 777
1993	68 079	35 940	5 205
1994	59 049	32 192	8 811
1995	64 489	24 693	15 184
1996	56 618	19 501	15 959
1997	46 032	14 531	19 437
1998	66 838	7 371	17 788
1999	50 816	6 339	18 205
2000	50 762	5 881	16 538
2001	33 600	4 077	16 711
2002	18 525	2 486	19 262
2003	12 422	1 581	15 161

Источник: 53, с. 6.

Как и в случае с эмиграцией немцев, речь идет не о собственно этнической эмиграции евреев: большинство их выезжало в составе смешанных семей, в числе выезжавших могли быть те, кто выдавал себя за еврея. В рядах эмигрантов, объединенных понятием «еврейская эмиграция», могли быть люди других национальностей, избравшие Израиль либо местом своего будущего проживания, либо страной транзита для последующего выезда в США, Германию или другие страны. Наконец, среди них могли быть члены религиозных общин, подобных «субботникам» из Воронежской области – чистокровным русским крестьянам, некогда принявшим иудаизм и до сих пор продолжающим выезжать в Израиль ради сохранения «чистоты веры» (29, с. 5).

Автор книги «Евреи в Америке» Э. Нитобург отмечает, что в 80-е годы доля смешанных браков евреев достигала в РСФСР 81,5%, на Украине – 66,5, в Белоруссии – 61,5% (45, с. 103). Нет оснований считать, что в 90-е годы в этом отношении могли произойти радикальные перемены. Именно в силу данного обстоятельства удельный вес евреев в «еврейской эмиграции» был определенным образом лимитирован. По оценкам В. Ионцева, доля евреев в общей численности эмигрировавших в Израиль составила в 1993 г. 60,0%, а в 2000 г. снизилась до 26,0%, тогда как доля русских повысилась с 30,3 до 60,0%. В выездах в США удельный вес евреев и русских составил в 1993 г. соответственно 52,3 и 37,8% и в 2000 г. 17,1 и 65,1% (25, с. 324).

В отличие от немцев, для эмигрантов-евреев был присущ высокий образовательный уровень. Формально подпадая под определение этнической, данная эмиграция по своему содержанию оказалась – особенно когда речь идет о выездах в США и Германию – преимущественно интеллектуальной. Э. Нитобург констатирует, что 70–75% бывших советских евреев, выехавших в США в 1970–1980 гг., были людьми с высшим образованием, в том числе 7–8% из них имели ученые степени (45, с. 105). Эти данные коррелируют с оценками, полученными немецкими социологами в 1993–1994 гг. в ходе исследования интеграции евреев из бывшего СССР в германское общество, выполненного совместно с Еврейским научным центром при Российской академии наук и Еврейским университетом Санкт-Петербурга. Исследование показало, что высшее образование имели 71,2% эмигрантов, среди них 35,4% были инжене-

рами и учеными, специализировавшимися в области естественных наук, 21,1% – врачами, учителями и деятелями культуры (75, с. 64).

Поскольку центры мировой науки и культуры находятся в США и Европе, понятно стремление основной массы ученых и представителей других отрядов еврейской интеллигенции мигрировать именно в этих направлениях. Кроме того, подавляющее большинство советских евреев не знало идиш, они в большинстве своем были атеистами, не знакомы с основами иудаизма (45, с. 104). У них, следовательно, отсутствовал весомый дополнительный стимул к эмиграции именно в Израиль. Нельзя сбрасывать со счетов и материальную сторону. Но в любом случае удельный вес лиц с высшим образованием, переехавших в Израиль, все равно оставался очень высоким: две трети из них имели высшее образование, в том числе 40% обладали опытом работы в сфере науки и высшей школы, более 10% вновь прибывших имели дипломы инженеров, их численность была почти вдвое больше числа инженеров израильского происхождения (76, с. 53). Что касается оценок численности эмигрировавших русских, очевидные сложности с получением достоверных данных связаны не только с тем, что эмигранты входят в состав смешанных семей и часть из них может выдавать себя либо за евреев, либо лиц иных национальностей, но и с тем, что русские представлены в числе тех, кто выезжал в дальнее зарубежье из стран СНГ, статистически увеличивая численность выехавших из РФ русских в тех случаях, когда выезд оформляется российскими миграционными службами. В числе причин отсутствия достоверной статистики фигурируют также выезд на ПМЖ за рубежом по подложным документам, усилившаяся закрытость официальной статистики по трудовой миграции.

Существенное отличие массовой эмиграции русских заключалось в том, что их выезд за рубеж не был организован так, как это делалось в отношении немцев и евреев, за ними не могло стоять и не стояло государство. Никто не гарантировал им немедленного предоставления гражданства или вида на жительство. Их риски были существенно выше, и им поэтому не хотелось терять жилье и даже рабочие места у себя на родине. Официально оформленный выезд на ПМЖ означал бы для многих «сожжение мостов» и поэтому они предпочитали использовать любые легальные возможности для того, чтобы фактически эмигрировать, но в то же время продолжать числиться живущими в России. Поэтому помимо поправок на имеющие место изъяны в статистике выездов на ПМЖ итоговые оценки легальной

эмиграции русских следует корректировать на случаи «мимикии» фактических выездов на ПМЖ под временные трудовые контракты, получившие широкое распространение в научной среде и среди лиц, проходящих обучение за рубежом; на оценки численности тех, как бы трудовых мигрантов, кто «трудоустраивался» в офшорных зонах, поскольку в данном случае речь очевиднее всего идет о бизнес-эмиграции, а не об обычном трудоустройстве по контракту в зарубежной стране; на оценки численности тех, кто выезжал за рубеж по гостевым или туристическим визам, в деловые поездки, а затем не возвращался на родину. Взятые по отдельности, все эти виды фактически нелегальных выездов могут в каждом конкретном случае представлять собой незначительные величины. Но взятые вместе, они означают существенные потери.

Показателен в этом отношении пример Кипра. Отметив, что в 1994–1995 гг. из 20 тыс. человек, официально трудоустроившихся за рубежом россиян, более трети оказались на Багамских островах и на Кипре, В. Ионцев делает вывод, что «в этом случае скорее можно говорить о вывозе капиталов, чем о реальном трудоустройстве» (25, с. 322). Когда сообщается, что в 1997 г. за рубежом трудоустроился 21 121 человек, но при этом 5648 из них снова оказались на Кипре, 1582 – на острове Мэн, 1026 – на Мальте, 827 – в Гибралтаре, т. е. в тех местах, которые называют «налоговым раем» (42, с. 111), указанный вывод получает дополнительное подтверждение.

Очевидно, что, если в настоящее время на Кипре, а также в соседней Греции насчитывается, по оценкам, свыше полумиллиона эмигрантов из бывшего СССР (3, с. 17), эту массу эмигрантов создали отнюдь не приезжающие сюда из России сезонные рабочие, а владельцы вывезенных и ввозимых капиталов, плюс те специалисты, кто занят отмыванием денег, и другой необходимый персонал. Как отмечают М. Боровик и Л. Шемберко, многие из выехавших на Кипр имеют криминальное прошлое и связаны с так называемой «русской мафией» (3, с. 17).

О том, насколько важную роль играет Кипр в перемещении капиталов из России и в Россию, свидетельствуют следующие данные Госкомстата РФ за первый квартал 2006 г.: за этот период приток капитала составил 8,8 млрд. долл. и 18,6% от этой суммы (самый высокий процент) пришлось на долю Кипра. Одновременно было вывезено 10,1 млрд. долл., из которых 11,9% попали опять-таки на Кипр, еще 10,1 % – на Багамские и 8,9% – на Виргинские острова. В обоих случаях Кипр заметно опережал США (соответст-

венно, 7,0 и 6,3%) (18, с. 17). Несмотря на очевидную роль в отмеченном процессе, Кипр тем не менее не фигурирует в официальной статистике выездов на ПМЖ.

В последние годы расширились возможности корректировки данных по эмиграции, в том числе по брачной эмиграции в США, публикуемых министерством юстиции США, содержащих данные о численности россиянок, вступающих в браки с американцами. Опубликованные данные позволили не только получить представление о том, сколько женщин уже выехали с этой целью в США и другие страны (всего порядка 150 тыс. человек в период 1993/1994 – 2002/2003 гг.), но и сделать вывод, что в связи с замужеством Россию ежегодно покидают от 10 тыс. до 15 тыс. женщин (65, с. 45).

С другой стороны, дополнительную информацию о численности проживающих за рубежом выходцев из России можно почерпнуть в работах соотечественников, ныне проживающих за рубежом. Так, осевший в Великобритании известный по советским временам общественный и политический деятель Ж. Медведев утверждает, что возникшая в результате четвертой волны эмиграции русская диаспора в Германии в настоящее время насчитывает порядка 700 тыс. человек (39, с. 190). Скорее всего, данные Ж. Медведева включают представителей всех выехавших в Германию этнических групп. У него же можно встретить оценку численности проживающих в Лондоне русских в 200 тыс. человек, что вдвое больше, чем фигурировавшая в последние годы оценка в 100 тыс. человек (39, с. 190). Но если учесть, что, согласно новейшим оценкам (3, с. 16), численность проживающих в Великобритании русских достигла уже 400 тыс. человек, цифра 200 тыс. только русских в Лондоне представляется вполне достоверной.

Достаточно длительное время эмиграция этнических меньшинств воспринималась как эмиграция, неизбежная в силу взятых на себя Россией международных обязательств. Когда же образуемая немцами, евреями, греками, армянами и другими «этнической частью» четвертой волны эмиграции пошла на убыль и вместо нее стала нарастать эмиграция русских, в которой ученые и специалисты высшей квалификации сразу же стали играть определяющую роль, стало очевидным, что и этническая эмиграция, в особенности евреев, представляла собой в равной степени интеллектуальную эмиграцию, включавшую в себя «утечку умов». С этого времени оценки численности эмигрировавших ученых и специалистов стремительно нарастают. Так, если в середине 1990-х годов обычно ссылались на дан-

ные Гарвардского университета (США), согласно которым за рубежом на постоянной основе находилось до 30 тыс. российских ученых, в дальнейшем появляются оценки уже в 200 тыс. человек, из которых порядка 70 тыс. человек были выходцами из ВПК (67, с. 42), в 500–800 тыс. человек и даже, как оговаривается данный автор, «мелькнула цифра» в 1,5 млн. человек (56, с. 16).

Трудно судить о достоверности этих оценок. В любом случае они в разы превосходят данные официальной статистики. С другой стороны, нужно учитывать, что в наиболее тяжелые годы реформ из науки и наукоемких отраслей народного хозяйства ушли более 1 млн. ученых и специалистов и, следовательно, возник огромный миграционный потенциал, не связанный с отечественной наукой и промышленностью какими-либо обязательствами. Поэтому отрицать возможность массовой миграции, в силу разных причин не находящей отражение в официальной статистике, также не приходится. Сохранению и даже нарастанию миграционных настроений среди действующих ученых способствует многолетняя борьба вокруг реформы науки, целью которой, по мнению, например, академика РАМН С. Колесникова, является последовательное претворение в жизнь российским чиновничеством рекомендаций МВФ по сокращению проводимых в России научных исследований (44, с. 9).

Два фактора, говорящие в пользу подобной версии: во-первых, наличие в мире широкого спроса на ученых и специалистов, разумеется, не только из России. Хорошо известно, что еще в декабре 1992 г. в США был принят документ «О принципах наибольшего благоприятствования для переезда в США ученых из России и других государств СНГ», дополненный в декабре 1999 г. предоставлением преимущественных прав на выезд в США специалистам из России, связанным с космонавтикой, ядерной физикой и другими отраслями оборонного характера, а также гарантией обеспечения работой и высоких заработков. Схожие документы в 1999–2000 гг. были приняты в Германии и Франции в отношении российских программистов (25, с. 331). О разработке государственной программы привлечения классных специалистов было объявлено в Канаде (56, с. 16). Спрос на ученых и специалистов из России существует в Китае, КНДР, Аргентине, Мексике, в арабских странах (20, с. 19). В Южной Корее, Бразилии, Венесуэле и Парагвае разработаны специальные государственные программы их ассимиляции (56, с. 16).

В качестве второго фактора реализации планов и программ выкачивания из России интеллектуальных ресурсов выступает нелегальная эмиграция. О том, что этот второй фактор реально существует и действует, можно судить по следующему высказыванию Ж. Зайончковской. Подводя итоги 1997 г., она писала о том, что «продолжается незаконченная эмиграция россиян – в коммерцию, домашние услуги, “утечка умов”, совершаемые под видом туризма, поездок в гости, на стажировку и т.п.» (42, с. 111).

Как и легальная, нелегальная эмиграция ведет к сокращению не только интеллектуального, но и воспроизводственного потенциала человеческого ресурса, в целом к обострению демографической ситуации. Эта ее особенность уже давно отмечалась в работах Б. Хорева, И. Ушkalова, В. Ионцева и других специалистов. Главная опасность, исходящая от нелегальной миграции, заключается в том, что, когда речь идет о связанных с ней потерей женщин в наиболее репродуктивных возрастах, сокращается не только генофонд, но и снижаются его качественные характеристики. Уже отмечается, что отбор девушек и женщин для работы за рубежом осуществляется «на основе антропометрических и эстетических параметров. Это чревато потерей для страны не только демографического, но и генетического потенциала нации» (65, с. 45).

По оценкам Л. Рыбаковского и С. Рязанцева, в настоящее время с рынком сексуальных услуг и развлечений только в странах Западной Европы связано порядка 300–400 тыс. российских женщин в возрасте 18–24 лет, что составляет не менее 4–5% данной возрастной группы (58, с. 29). И Западная Европа отнюдь не является единственным рынком подобного рода. Как сообщается в отчете о выполнении Россией положений Конвенции ООН 1979 г. о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, подготовленном российским представительством НПО «Центрально-европейская и Евроазиатская законодательная инициатива» (CEELI), криминальные структуры вывозят женщин из России в страны Ближнего Востока (ОАЭ, Израиль и Турцию), Северо-Восточной Азии (Китай, Японию и Южную Корею), а также в Северную Америку, Таиланд (48, с. 66; 72, с. 62).

Реальные цифры подобной нелегальной торговли людьми и практически необратимых для России потерь генофонда могут быть поэтому существенно выше. К тому же следует иметь в виду, что «график женщин», связанный с данным видом криминальной деятельности, представляет собой непрерывный конвейер, по-

скольку 25-летний возраст для женщин, вовлеченных в занятия проституцией, по меркам воротил данного бизнеса, уже является «предпенсионным», что требует постоянного обновления их рядов. В результате даже если предположить, что средняя численность женщин, занятых в сфере криминально организованных сексуальных услуг, остается неизменной, ее следует корректировать на величину ежегодной ротации.

Говоря о количественных показателях эмиграции, нужно также иметь в виду, что за годы реформ из России было вывезено, главным образом в США, порядка 60 тыс. детей. Вплоть до последнего времени иностранцы ежегодно усыновляли 4–5 тыс. детей, в итоге становившихся гражданами других государств (65, с. 44).

Преимущественно к эмигрантам следует относить беженцев из Чечни, численность которых в Европе сами чеченцы определяют в 110–130 тыс. человек. Как утверждают опекающие чеченцев представители местных правозащитных организаций, многие из них уже имеют собственное жилье и работу, в частности в Дании и Норвегии (23, с. 6–7).

На географию расселения эмигрантов четвертой волны оказывают влияние такие факторы, как характер применяемых миграционных режимов и потребность в иммигрантах определенных специальностей; емкость местных рынков труда, предлагаемые уровни оплаты труда и спрос на рабочую силу в зависимости от пола; исторически сложившаяся специализация высших учебных заведений, когда речь идет об учебной миграции и т.д. Со своей стороны, многие иммигранты отдают предпочтение Германии, учитывая ее географическую близость к России: страны Южной Европы привлекают их своим климатом. Страны традиционной иммиграции – США, Канада и Австралия – привлекательны для бизнес-эмигрантов благодаря своему либеральному в этом плане законодательству. США, очевидно, доминируют в привлечении ученых и высококвалифицированных специалистов, в то же время сохраняя невысокую квоту на въезд квалифицированных рабочих. В Канаду проще попасть на ПМЖ, чем на временную работу. Этот перечень своеобразных особенностей и условий для выбора страны переселения можно было бы продолжить.

На протяжении всего рассматриваемого периода основным местом расселения для выезжавших на ПМЖ была и остается Западная Европа, куда выехали более 60% всех эмигрантов. Еще 26% направлялись в Израиль, 12 – в страны традиционной иммиграции –

США, Австралию и Канаду и 1–2% приходились на остальные страны. Европа, таким образом, уже длительное время является основным импортером трудовых ресурсов и населения из России.

Первое место по притягательности для эмигрантов из России занимает Германия, в которую, согласно приводившимся ранее оценкам, за 1989–2004 гг. выехали порядка 670–700 тыс. человек. Вплоть до последнего времени (не считая этнических немцев, обеспечивавших приток дешевой рабочей силы), в Германии существовал спрос на неквалифицированный и квалифицированный труд других выходцев из России. «Утечка умов», ранее носившая преимущественно общественно-гуманитарный характер, в последние годы все больше ориентируется на привлечение кадров естественнонаучного и технического профиля. В Германии традиционно хорошо развит рынок образовательных услуг – по этому показателю она наряду с Великобританией и Францией входит в тройку ведущих стран Европы.

Судя по всему, второе место в Европе по численности эмигрантов, прибывших из России, занимает Великобритания. Рост эмиграции в эту страну объясняется прежде всего тем, что здесь расположен один из главных финансовых центров мира, а сама страна отличается достаточно либеральным режимом приема бизнес-эмигрантов – англичан не особенно интересуют источники доходов, полученных в другой стране, кроме каких-то действительно вопиющих случаев. Здесь также усиливается внимание к привлечению ученых и специалистов для высокотехнологичных отраслей промышленности. Великобритания является бесспорным лидером Европы в области образовательных услуг, и в рамках Европы именно сюда направляется основной поток учащихся колледжей и студентов из России. Все выглядит так, что именно здесь может сложиться одна из первых устойчивых и самодостаточных русских диаспор. Как отмечает Ж. Медведев, в последние два-три года в русскую диаспору Великобритании вливаются работники сферы обслуживания и здравоохранения, рабочие и строители. В Лондоне издаются две российские газеты, имеются русские клубы, рестораны и даже больницы (39, с. 190).

Второе-третье места с Великобританией может делить Кипр, не представленный отдельной страной в статистике выездов на ПМЖ. Но уже между второй, третьей и последующими по численности эмигрантов из России странами существует значительный разрыв: в претендующей на четвертое место Финляндии на постоянной основе проживают примерно 40 тыс. человек. По

оценкам, к Финляндии близко примыкает Франция, однако в данном случае приходится делать определенную оговорку, поскольку во Франции, особенно среди тех, кто сумел приобрести здесь недвижимость, сложилась практика постоянного проживания без претензий на рабочие места и гражданство со стороны владельцев недвижимости и/или членов их семей, которую формально нельзя считать эмиграцией. Живущие здесь выходцы из России, строго соблюдая сроки действия виз, выезжают на родину с целью их продления и возвращаются обратно. Как считает О. Маховская, отличительной чертой русской эмиграции во Францию является ее преимущественно женский характер.

Что касается численности выехавших на ПМЖ в другие европейские страны, ее величина в каждом отдельно взятом случае не представляется значительной и вместе с тем вряд ли отражает истинное положение дел: в случаях амнистий обнаруживается, что реальная численность эмигрантов превышает учтенную российской статистикой. Так, численность выехавших на ПМЖ в Португалию в 1997–2004 гг. составила, по официальным данным, всего лишь 317 человек, тогда как в результате амнистии 2001–2002 гг., как уже упоминалось, численность «амнистированных» составила 6431 человек (70, с. 21).

Из неевропейских стран – если судить по количеству выездов на ПМЖ – весьма существенную роль в формировании количественных и качественных параметров четвертой волны сыграла депатриация евреев в Израиль. Их массовый выезд наряду с эмиграцией русских и лиц других национальностей в составе смешанных семей и другими видами выездов привел к тому, что за период 1989–2004 гг. в эту страну, по данным израильской статистики, из РФ прибыли 300 194 человека (59, с. 50). Самое молодое иммиграントское государство мира остро нуждалось в притоке и трудовых ресурсов, и в целом населения, учитывая значительный демографический дисбаланс по сравнению с окружающим арабским миром. Идея собрать на исторической родине евреев всего мира в этом отношении была вполне обоснованной. Но такой подход исключал селективность и, как следствие, в Израиле возник, по сути дела, конгломерат из представителей диаспор, прибывших из более чем ста стран мира, которым еще только предстоит сложиться в единую нацию. Пока же эти группы и группировки переселенцев более склонны отстаивать собственные интересы. Образно, но очень точно эту специфику современного израильского общества передает известный публицист Д. Маркиш, указывая на то, что «наряду с выходцами из Европы на

земле Давида и Соломона живут эфиопские израильтяне, недавние обитатели Магриба, Грузии, Средней Азии. Их уклад отличен друг от друга, их культуры, – а они охотно сохраняют им приверженность – не смешиваются друг с другом в одном “плавильном кotle”, под которым полыхает костерок из чурбачков, нарубленных из деревьев местных пород» (37, с. 5).

С другой стороны, небольшая по размерам, не располагающая значительными природными ресурсами, развитая, но все же не обладающая значительным экономическим потенциалом страна не могла обеспечить всех вновь прибывающих рабочими местами в соответствии с их профессией и квалификацией. Это несоответствие реальности ожиданиям обнаруживалось уже вскоре после прибытия. Как считает Б. Дубсон, автор книги «Богатство и бедность в Израиле. Израильское общество в XXI веке», трудоустроиться в основном по специальности смогли лишь те участники «армии 90-х», которые прибыли в Израиль в первые два-три года, т.е. в 1989–1992 гг.; основной же массе репатриантов пришлось менять профессию. Подлинная драма репатриантов из России, отмечает Б. Дубсон, заключалась в их «избыточной образованности». К началу 2000 г., по его оценке, в сфере сложного умственного труда удалось закрепиться только каждому третьему репатрианту (19, с. 270, 273–274). Поэтому для части репатриантов Израиль вскоре превращался в страну транзита для последующего выезда в США. Чтобы переломить эту тенденцию, Израиль даже потребовал от США запретить подобные переезды репатриантов из РФ. Остальных репатриантов ожидала острая конкурентная борьба за «место под солнцем».

Третью строку по количеству выездов на ПМЖ после Германии и Израиля занимают США. Согласно официальной американской статистике, в период 1991–2000 гг. в эту страну въехали 128 тыс. легальных эмигрантов. Еще 20,4 тыс. человек прибыли в 2001 г. и 20,8 тыс. человек в 2002 г. (64, с. 10). И в этом случае заметную роль в формировании миграционного потока сыграла эмиграция евреев, опиравшаяся на наличие родственных связей и разветвленную массовую базу этнических институтов и организаций, обеспечивавших вновь прибывшим необходимую на первых порах моральную и материальную поддержку. Однако главную роль, как уже отмечалось, играла целенаправленная политика привлечения ученых и высококвалифицированных специалистов, которым создавались условия для полного раскрытия своих талантов и возможностей и в случае успеха открывался доступ к материаль-

ному благополучию. Показательно, что, если средний годовой доход семьи недавних иммигрантов в целом составлял в последние годы 35 тыс. долл., доход семьи иммигранта-интеллектуала из России равнялся почти 59 тыс. долл. (56, с. 17). Как можно предположить, это служило мощным стимулом для эмиграции любым способом именно в данную страну. Помимо легальных иммигрантов в качестве беженцев из России в указанные годы в США были приняты 60 404 человека в 1991–2000 гг., 4758 – в 2001 г. и 5089 человек – в 2002 г. (64, с. 10).

Все более привлекательным местом для эмиграции становится Канада. На сегодняшний день Канада является одной из немногих стран мира, активно содействующих приезду переселенцев на ПМЖ (7, с. 88). Согласно переписи 2001 г., русские занимают 16-е место в числе образующих канадское общество этнических групп, русские корни имеются примерно у 338 тыс. канадских граждан, из них чисто русскими считают себя 70 тыс. человек. За период 1991–2001 гг. численность выходцев из РФ составила 51 тыс. человек (77а, с. 120). Считается, что здесь уже сложилась община русских эмигрантов постсоветского периода. Любопытной чертой последнего времени стало сокращение численности переехавших из бывшего СССР в Канаду евреев, что происходит не в результате реэмиграции в Россию или выезда в другие страны, а в результате смены или переоценки самоидентификации: их русская идентичность зачастую начинает преобладать над еврейской. «Многие из них даже перешли в православие» (7, с. 91–92). Важную роль в притоке эмигрантов в Канаду, в том числе и из России, сыграли принятый в 2002 г. Закон об иммиграции и защите беженцев, существенно облегчивший процедуру допуска в страну бизнес-эмигрантов, а также меры по упрощению системы оценки и верификации иностранных дипломов (7, с. 95).

Из других англоязычных стран традиционной иммиграции в публикациях Госкомстата фиксируются крайне незначительные потоки, следующие из России в Австралию и Новую Зеландию: всего за 1997–2004 гг. в эти две страны эмигрировали 2486 человек (17, с. 518). Что касается других стран, в официальной статистике выезда Азия представлена 16 странами и не включает такие страны женской эмиграции, как ОАЭ и Таиланд; Африка – всего четырьмя странами: Египтом, Марокко, Нигерией и Замбией; Латинская Америка – Аргентиной, Белизом, Кубой и Перу. Из учитываемых стран более или менее заметные объемы выездов на ПМЖ отмече-

ны только для Китая, куда за 1997–2004 гг. въехало 9,5 тыс. человек. Эта цифра по крайней мере подтверждает отмеченный известным китаистом В. Гельбрасом факт возникновения в Китае «небольших колоний россиян» (10, с. 107).

Из печати известно, что российские и другие специалисты работали по длительным контрактам не только в Израиле, но и в Иране, и во многих других странах Азии. В связи с развитием туризма из России курортные зоны среднеземноморских стран предъявляют растущий спрос на говорящих по-русски работников для туристических комплексов. Так, в Египте только в курортной зоне Шарм-эль-Шейх постоянно проживают около 4 тыс. граждан России и Украины, по большей части сотрудницы отелей и туристических фирм. Ежегодно число осевших там выходцев из России и других стран СНГ возрастает на 15% (55, с. 68). Имеются признаки растущего спроса на русский персонал в курортных зонах Турции.

Еще одной серьезной проблемой количественных и качественных оценок является, на наш взгляд, явно устаревшее и потому искусственное деление эмигрантов на выехавших в «дальнее зарубежье» и в «страны СНГ (ранее страны «СНГ и Балтии», но в связи с вступлением последних в Европейский союз с 1 мая 2004 г. в ряде справочников Госкомстата начиная с 1997 г. «Балтия» больше не фигурирует и ретроспективно включается в группировку «страны вне СНГ»). В результате споры и дискуссии о размерах эмиграции ведутся в основном вокруг численности выехавших в «дальнее зарубежье», тогда как все остальные оказываются вовлечеными в процессы как бы внутренней миграции в границах все более эфемерного образования, каковым является СНГ. Между тем из России в страны СНГ в годы реформ выезжали не только представители титульных народов этих стран, но и русские, и немцы, и евреи, и представители других национальностей Российской Федерации, причем не только в составе смешанных семей. Считать их просто некими «выехавшими», а не эмигрантами просто нелогично. Между тем речь идет о значительных объемах эмиграции: в 1990-е годы в Россию легально въехало более 8 млн. человек и одновременно выехало около 4 млн. человек (13, с. 3). Как считает В. Ионцев, на протяжении всех 90-х годов доля русских, выезжавших в страны ближнего зарубежья, превышала 50% (25, с. 349).

Экономические и демографические потери России. Перспективы возвращения эмигрантов

Длительное время в работах по проблемам миграции оценки потерь от эмиграции («утечки умов») оценивались в денежном выражении в 25–50 млрд. долл. в год. Примерно столько же времени держалась и оценка численности ученых, уехавших на ПМЖ за рубеж, – как правило, упоминалась цифра в 30 тыс. человек. Хотя вряд ли и тот и другой показатели могли оставаться неизменными. Это видно из ориентировочных расчетов потерь (20): исходя из того, что современная сложная рабочая сила способна создавать прибавочную стоимость, эквивалентную 400–500 тыс. долл., а научно-техническая – 800 тыс. долл., потери России только от «утечки умов» составляли 25–28 млрд. долл. в 1992 г.; 25–30 млрд. долл. – в 1993 г. и 25–28 млрд. долл. – в 1994 г. С учетом затрат на подготовку научных и других кадров высшей квалификации, а также заниженных оценок реальной численности уехавших на ПМЖ за рубеж общие размеры ежегодных потерь оценивались ими как минимум в 35–40 млрд. долл. (20, с. 50–51). В последующие годы, но уже по оценке Комиссии по образованию Совета Европы, потери России из-за эмиграции ученых и специалистов составляли в среднем с учетом упущеной выгоды порядка 50–60 млрд. долл. (43, с. 127). Суммарные потери за истекшие годы оцениваются цифрой в 1 трлн. долл. (28, с. 4). Как уже отмечалось, изменились и оценки людских потерь – численность уехавших ученых теперь оценивается в 150–200–300 и более тыс. человек (28, с. 4; 43, с. 120; 66, с. 165).

Причиной сравнительно длительной устойчивости оценок экономических и демографических потерь служило широко распространенное убеждение в том, что все происходящее носит временный характер и что улучшить за рубежом свое материальное положение, а главное – обогатившись новыми знаниями, ученые и специалисты в массовом порядке станут возвращаться на родину и внесут свой вклад в ее научно-техническое и экономическое развитие, тем самым компенсируя эти временные, как казалось, потери. Другой причиной недооценки, в чем убежден В. Ионцев, стало ошибочное представление об «утечке умов» как о явлении, ничем не отличающемся от любой другой интеллектуальной миграции, на основании чего делался вывод о ее «положительном влиянии на социально-экономическое развитие как стран иммиграции (что совершенно справедливо), так и стран – доноров «серого вещества»,

о взаимовыгодном характере этого явления, особенно в плане тезиса об общемировой науке и культуре» (25, с. 332).

То, что подобные представления ошибочны, к моменту распада Советского Союза было хорошо известно из опыта развивающихся стран, откуда уже два десятилетия шла целенаправленная перекачка кадров высшей квалификации, в результате которой богатые страны становились богаче, а бедные – беднее. Как и следовало ожидать, именно в такие «взаимоотношения» с Западом попала Россия. Когда случившееся стали осознавать, сменились и оценки. Появились утверждения, что эмиграция ученых приняла характер «лавинообразного миграционного потока» и что возникла «реальная опасность утраты в России многих научных школ и направлений исследований» (58, с. 31). Все чаще стали рассуждать об угрозе истощения интеллектуального потенциала страны. Более того, как об актуальной задаче стали говорить о сдерживании эмиграции (63, с. 49; 65, с. 45).

В целом негативные оценки последствий данного процесса включают, во-первых, то, что «утечка умов» носит не только устойчивый, но и масштабный характер; во-вторых, будучи безвозвратной, она приводила к тому, что затраты, понесенные государством на воспитание, обучение и повышение квалификации эмигрантов, остаются невозмещенными; в-третьих, это приводит к значительной упущененной выгоде, равной ожидаемому вкладу иммигрантов в экономику, науку, образование и социальное развитие страны, которая была бы получена, оставаясь эти ученые и специалисты на месте; в-четвертых, эмиграция негативно оказывается на научно-техническом потенциале России, поскольку по большей части уезжают молодые поколения, а это грозит утратой преемственности научных школ. Наконец, страна несет очевидные демографические потери, которые в условиях переживаемого Россией острого демографического кризиса не так-то легко восполнить (20, с. 19).

В общем и целом происходит физическая потеря наиболее ценной части человеческого капитала, сопровождаемая вычетом из национального продукта в виде его непроизведенной части, и этот вычет имеет место на протяжении всего периода трудовой деятельности каждого уехавшего за рубеж ученого или специалиста. По оценкам, начиная с 1992 г. из-за эмиграции высококвалифицированных кадров Россия каждые 5–7 лет в среднем теряла один годовой бюджет только за счет прямых потерь (56, с. 16).

Как уменьшить или вообще свести на нет эти огромные и пока что кумулятивно нарастающие потери? Ответы на этот вопрос даются самые разные: от рекомендаций ввести ограничения на данный вид эмиграции до более трезвого понимания невозможности каких-либо запретов и рекомендаций, вместо этого устранивать причины, вызывающие желание эмигрировать, т.е. создавать такие условия финансирования науки, при которых ученый и специалист имели бы возможность выезжать за границу, общаться с зарубежными коллегами, но при этом постоянно жить и работать в собственной стране. Масштабную эмиграцию можно предотвращать также с помощью создания на территории России совместных предприятий, открытия филиалов иностранных фирм. Как отмечает В. Супян, уже в 90-е годы «существенным фактором поддержки отечественной науки (а значит, предотвращения еще более масштабной эмиграции ученых из страны) была финансовая помощь иностранных благотворительных фондов»(68, с. 29).

По данным исследования, проведенного Гарвардским университетом (США), около 17% всех научно-исследовательских работ в России в этот период финансировалось из-за рубежа. В ряде наиболее престижных научных центров доля зарубежного финансирования достигала 50% (68, с. 29). Еще одной формой финансирования российской науки стало размещение иностранных заказов. Уже в 1993 г. эксперты ОЭСР обратили внимание, что корпорации данной группы стран стали нанимать и финансировать «группы из десятков и даже сотен высококвалифицированных российских ученых на срок до нескольких лет». Эту тенденцию подтверждает статистика: если в 1991 г. средства из иностранных источников в бюджете отечественной науки практически отсутствовали, в 1998 г. они составляли уже 10% (8, с. 129). В результате, хотя работа на заказ и не решала всех проблем, возникала ситуация определенной стабильности, в частности, для тех институтов РАН, бюджетное финансирование которых составляло не более 15–25% от уровня требуемых затрат. Благодаря заказам, хоздоговорам, грантам и т.п. эти институты добирали недостающие средства, нужные для сохранения работоспособных коллективов. О масштабах подобной работы на заказ в новейшее время можно судить по следующим данным: в 2006 г. в авиакомпании им. Ильюшина на европейский концерн «Airbus» работали более 300 инженеров и еще 75 человек – на компанию «Боинг». Значительно больше специалистов, работающих на «Боинг», – две тысячи инженеров являются сотрудниками российской «ВСМПО-Ависма»,

занимающейся авионикой. Разумеется, все эти варианты финансирования науки и высокотехнологичных производств никогда не были чисто благотворительными – значительная часть полученных научно-технических результатов или готовой продукции уходила и уходит за рубеж. Но сами ученые и специалисты при этом остаются на родине, они платят налоги и как потребители оставляют свои доходы здесь, а не за рубежом, они сами и их семьи остаются в составе российского населения.

Вариантом снижения потерь от эмиграции может стать привлечение к сотрудничеству тех, кто уже уехал за рубеж. Примером предложений на этот счет может служить работа Л. Леденевой и Е. Тюрюкановой, в которой затрагивается проблема повышения заинтересованности российской экономики в молодых специалистах, получающих образование за рубежом, и выдвигается идея создания «коалиции заинтересованных организаций», включающей федеральные и местные региональные структуры исполнительной власти, неправительственные организации, образовательные учреждения и профессиональные сообщества, которая могла бы заняться координацией специализированных программ по возвращению в Россию интеллектуальных ресурсов как на государственном уровне, так и в качестве общественных инициатив. В разделе книги «Рекомендации по разработке программ возвращения интеллектуальных ресурсов в Россию» авторами предложены три программы: одна для тех, кто хотел бы вернуться в Россию и мог бы получить от программы реальную поддержку в начале становления своей профессиональной деятельности; другая для тех, кто не хотел бы вернуться навсегда, но при этом не исключает той или иной формы сотрудничества; третья программа общего характера, рассчитанная на информационное обслуживание российской научно-профессиональной диаспоры, включая предоставление консультационных услуг о ситуации на российском рынке труда, в том числе с помощью создания соответствующего сайта (35).

По мнению Л. Леденевой, в отношениях с российской научной диаспорой следует как можно шире использовать накопленный уже более чем в 40 странах мира опыт сотрудничества с учеными, работающими за рубежом, суть которого сводится к тому, чтобы привлекать последних через участие в международных конференциях, семинарах, рабочих совещаниях или проектах, организуемых «в их родных лабораториях и исследовательских центрах», путем создания «научных сетей», т.е. путем такой организации научного пространства, когда и специалисты, работающие за рубежом, и те,

кто трудится на родине, образуют как бы единый цепной механизм научной информации. Подобная система связи с «потерянными» учеными и инженерами наряду с предоставлением им статуса консультантов приводит к переформулировке концепции «утечки умов» на «приток умов», утверждает Л. Леденева, призывая принять схожую стратегию сотрудничества с зарубежной научной диаспорой (32, с. 75). В то же время, явно намекая на то, что следует и впредь продолжать увеличивать ее ряды, Л. Леденева обращает внимание на тот факт, что за молодых интеллектуалов в настоящее время активно борются три автора – отечественная наука, отечественный бизнес и зарубежные фирмы и университеты. В этих условиях России не стоит скupиться на расходы на научные исследования, поскольку это предохранит научную молодежь и от отъезда за рубеж, и от перехода в отечественный бизнес, которому взамен будут предложены перспективные инновационные разработки.

Конкретные предложения относительно мер по предотвращению выездов за рубеж можно найти также в монографии «Стратегия демографического развития России». В том, что касается предотвращения «утечки умов», предлагается в первую очередь радикально преобразовать оплату труда научно-преподавательских кадров – повысить оплату труда не менее чем в 10 раз за счет сокращения количества НИИ и численности занятых, концентрации научного потенциала в ведущих научно-исследовательских учреждениях и вузах; усилить поддержку талантливых студентов, аспирантов, докторантов и ученых через систему государственных грантов на научные исследования (без налогообложения этих средств). Подчеркивается, что данная мера рассчитана на сокращение оттока за рубеж на временную работу и на ПМЖ высококвалифицированных специалистов и их переход в коммерческие структуры. В принципе, как считают авторы, основой дальнейшего развития науки должны стать крупные университеты, сочетающие в себе фундаментальную науку с высокой оплатой труда ученых (65, с. 187).

Поскольку Россия несет экономические и демографические потери не только из-за эмиграции ученых, но и в результате бегства капиталов и нелегальной эмиграции, авторы указанной работы предлагают также ввести: трехлетний срок для принятия окончательного решения о гражданстве для тех лиц, кто получил второе гражданство на том основании, что в настоящее время наличие второго гражданства «в странах, более привлекательных, чем Россия, обеспечивает возможность вывоза капитала, бегство от уголовного преследования

и т.п.»; законодательный запрет на усыновление и вывоз иностранцами российских детей и уголовную ответственность за подобные действия. Запретительные меры такого рода действуют в большинстве стран. В целях сокращения потерь генофонда предлагается ввести повышенные госпошлины, взимаемые с нерезидентов (иностранных граждан) в случае заключения браков с россиянками или россиянами. Необходимость этой меры обосновывается тем, что страна уже несет существенное потери в результате выезда россиянок по брачным контрактам, чреватые потерей демографического и генетического потенциалов (65, с. 187).

Ряд рекомендаций касается необходимости введения строгой уголовной ответственности для тех организаторов и владельцев туристических фирм, кто осуществляет подделку миграционных документов и занимается обманом граждан, выезжающих на работу за рубеж. В целях предотвращения широко распространенной практики, когда соотечественников вызывают «по туристическим визам, обещая в последующем работу, а затем просто бросают на произвол судьбы», предлагается ужесточить требования к лицензированию фирм, занимающихся трудоустройством россиян за рубежом, силами миграционных инспекций проводить регулярную проверку подобных фирм «на предмет соответствия заявленной деятельности реально осуществляющей». Одновременно при посольствах и консульствах РФ следовало бы создать «горячие линии» («телефоны доверия») по вопросам нарушения прав россиян за рубежом в вопросах трудоустройства (65, с. 198). К сожалению, в монографии нет предложений по конкретной борьбе с «трафиком женщин» – очевидно преступным деянием, заслуживающим самых жестких мер наказания, хотя сама проблема не обойдена вниманием.

При всем разнообразии вносимых предложений их объединяет одна центральная идея: решение проблемы упорядочения интеллектуального и любого другого вида эмиграции невозможно без самого активного участия государства и гражданского общества. Для этого необходимы политическая воля и соответствующая характеру явления государственная политика, осознание обществом значимости данной проблемы и ее последствий для будущего нации (21, с. 37; 25, с. 335; 32, с. 76; 68, с. 29).

Одним из важных аспектов проблемы является вопрос о том, в какой мере ту же «утечку умов» можно компенсировать притоком научных кадров из-за рубежа. Способна ли подобная замещающая

иммиграция возместить потери человеческого потенциала и тот экономический ущерб, который несет страна в результате эмиграции?

В ответ на этот вопрос можно услышать самые разные мнения. Например, когда речь идет о странах СНГ с их потенциалом русских и русскоязычных представителей других народов РФ, отмечается, что этот потенциал не настолько велик, чтобы обеспечить замещающую иммиграцию необходимым количеством участников, к тому же на длительную перспективу. По мнению В.Федорова, в целом этот потенциал невелик, он «тает на глазах и за него надо бороться» (74, с. 66). По мнению Ж. Зайончковской, «рассчитывать на наплыв русских из стран СНГ уже не стоит» по той причине, что из этих стран на Запад уже уехали примерно 1 млн. русских – вместе с немцами, евреями, греками, поляками (21, с. 34). Кроме того, руководство и деловые круги ряда стран СНГ, в первую очередь Казахстана, уже осознали, что без русских и других русскоязычных ученых и специалистов им не обойтись. В-третьих, потенциальные иммигранты осведомлены о том, что многие их предшественники, ранее уехавшие в Россию, испытывали трудности как с получением жилья, так и с трудоустройством по специальности. О. Воробьева, например, твердо убеждена в том, что одной из главных причин резкого падения миграционной привлекательности России к концу 90-х годов и сокращения миграционного притока из стран СНГ и Балтии стало невыполнение обязательств государства по отношению к вынужденным мигрантам, фактическое нарушение их прав, о чем благодаря наличию родственных и других связей становилось известно тем, «кто еще продолжал колебаться в своем решении о переселении» (9, с. 120). Большинство авторов сходятся во мнении, что сугубо негативную роль сыграло необоснованное ужесточение миграционного законодательства, особенно имевшее место в 2001–2002 гг. Вследствие усиления охранно-запретительного характера законодательства приток легальных иммигрантов, достигший пика в 1994 г., за десять последующих лет сократился почти в 10 раз и составил в 2004 г. 119,3 тыс. человек против 1 146,3 тыс. человек в 1994 г.

Что касается притока ученых и специалистов – представителей титульных народов стран СНГ, – их удельный вес в населении данных стран очевидно невысок, поскольку численность лиц с высшим образованием в этих странах, особенно в Центральной и Средней Азии, составляет, по оценкам известного социолога И. Бестужева-Лады, порядка 7% против 11–13% в России, что само по себе говорит об ограниченности данного ресурса. Основную массу иммигран-

тов из этих стран образуют поэтому те, кто способен заниматься лишь малоквалифицированным трудом в строительстве, сельском хозяйстве и торговле.

Если же говорить о «далнем зарубежье», то, по меткому определению Ж. Зайончковской, Россия не относится к числу стран, особенно популярных среди иммигрантов, и в тройке миграционных центров «Россия–США–Европейский союз» является явным аутсайдером, «потому что не может соперничать с развитыми странами по степени привлекательности для работников» (21, с. 34). Ее выбор поэтому ограничен «преимущественно странами Южной и Юго-Восточной Азии и, вероятно, арабского мира» (22, с. 72). Можно предположить, что если высококлассные специалисты из развитых стран и поедут в Россию на ПМЖ, то они будут делать это только за большие деньги.

Еще важнее качественные характеристики. С одной стороны, все еще можно встретить утверждения, что «переселенцы в Россию в большинстве своем являются высококлассными специалистами, имеющими соответствующий образовательный уровень и способными принести пользу экономике страны» (13, с. 4). На наш взгляд, подобное утверждение было справедливо в первые годы российских реформ, когда две трети квалифицированных иммигрантов составляли русские, в том числе те, кто в свое время получил образование в ведущих вузах России. Тогда и из числа титульных народов стран СНГ к нам в основном ехали высокообразованные люди. Но это время в основном позади. С другой стороны, замещающая иммиграция ученых и специалистов по своим качественным характеристикам существенно уступает тем, кто уезжает из России. Отмечается, что в середине 1990-х годов замещающая иммиграция, «приток умов» по своим масштабам были вполне сопоставимы с «утечкой умов». Однако способность прибывающих полноценно заменить покидающих Россию уже тогда вызывала сомнения по той причине, что в советский период основная масса наиболее талантливых и квалифицированных специалистов была все же сосредоточена в России (20, с. 31).

К тому же с самого начала можно было предположить, что научная элита стран СНГ в своей массе выезду в Россию предпочитает выезд в страны Запада или же в соседние развивающиеся страны, учитывая плачевное состояние той же материальной базы российской науки плюс существенно более низкие, чем на Западе, ставки заработной платы. Поэтому наиболее вероятным вариантом

развития событий может быть замещение отечественных высококвалифицированных кадров учеными среднего или более низкого уровня. В результате «иммиграция ученых и специалистов в Россию вряд ли может полностью возместить потери от интеллектуальной эмиграции, существенно изменить положение, в которое попала в настоящее время российская наука» (20, с. 33). В целом, по мнению ряда авторов, приток высококвалифицированных специалистов и научных кадров «несоизмеримо мал по сравнению с количеством приезжающих работников низкой квалификации. Такая же удручающая ситуация обнаруживается и при количественном сравнении с процессом «утечки умов», где Россия представлена как страна-донор» (20, с. 28).

В научной литературе последних лет все чаще можно встретить выводы о том, что в ближайшие годы Россию ожидает приток – если иметь в виду страны «ближнего зарубежья» – главным образом малоквалифицированной рабочей силы. Уже сейчас, сравнивая тех, кто уезжает из страны, с теми, кто в нее въезжает, политолог М. Урнов отмечает, что «взамен мы получаем жителей Средней Азии, Украины и Молдавии низкоквалифицированных рабочих специальностей» (73, с. 9). Но нельзя исключать, что и за пределами СНГ значительную часть потенциальных иммигрантов будут также составлять сельские жители. Предполагается, что в целом образовательный уровень иммигрантов будет все более низким. Вот как видится данная ситуация известному социологу и демографу В. Мукомелю: «Россия обречена на привлечение представителей иных национальностей ближнего зарубежья. Представители этнических групп государств СНГ приезжают и будут стремиться в Россию по экономическим мотивам: дифференциация экономического развития России и большинства стран СНГ все возрастает. И надо быть готовым к тому, что с каждым годом к нам будут приезжать (легально или нелегально) все менее грамотные, все хуже знающие русский язык и российские традиции иммигранты». Альтернативой им могут быть только выходцы из Китая, Юго-Восточной Азии и Африки (40, с. 249).

В подобной непростой ситуации вариантом решения задачи хотя бы частичного возмещения утрачиваемого интеллектуального потенциала может и должно стать всемирное развитие в России системы подготовки иностранных студентов. По мнению О. Чудиновских, М. Денисенко и Е. Донец, основным контингентом студентов могла бы стать русскоязычная молодежь из стран СНГ.

«Русскоязычная молодежь ближнего зарубежья, получающая высшее образование в России, хочет и должна иметь возможность оставаться здесь на тех или иных законных основаниях», – пишут они (79, с. 60–63). Схожей точки зрения придерживается В. Гельбрас, ориентирующийся больше на студентов из Китая: «Наиболее надежным способом создания эффективной иммиграции, то есть способной повлиять на изменение и экономической, и социальной, и демографической ситуации, является максимальное расширение подготовки иностранцев, в том числе китайцев, в учебных заведениях России. Высокая стоимость образования в Китае и низкое его качество сформировали у населения четкое представление о желательности обучения молодежи за пределами страны. Поток китайской молодежи, отправляющейся на учебу в другие страны, увеличивается с каждым годом». Если в Китае умело организовать рекламу преимуществ получения образования в России, можно как минимум решить две важные проблемы. «Во-первых, увеличить доходы учебных заведений и предотвратить грядущую массовую безработицу профессоров и преподавателей в России, неминуемую из-за сокращения численности молодежи. (И, добавим, предупредить их возможный отток за рубеж, т.е. очередной всплеск интеллектуальной эмиграции. – М.П.) Во-вторых, подготовить выпускников средних и высших учебных заведений со знанием русского языка, специалистов, способных работать в России». «Желающим остаться в России, – добавляет В. Гельбрас, – должны быть предоставлены соответствующие права вплоть до получения российского гражданства. Одновременно серьезной перестройке должны подвергнуться законодательство и стиль работы МИД России. Для успеха дела необходима капитальная перестройка учебных заведений» (11, с. 149). Следует отметить, что предложения В. Гельбраса основываются на анализе данных, полученных в ходе опроса китайцев в таких городах, как Москва, Иркутск, Хабаровск и Владивосток, проведенного в 2002 г. Согласно условиям опроса, треть респондентов составляли студенты из КНР, обучающиеся в указанных городах. И хотя решение связать свою судьбу с Россией обнаруживают пока что немногим более 10% опрошенных студентов, тем не менее данное направление не следует игнорировать. Иначе – как бесплатное – рассматривает обучение иностранцев в России Ж. Зайончковская. По ее мнению, «если мы хотим получить квалифицированную рабочую силу, иммигрантов надо учить здесь

(причем на полном содержании и с условием, что выпускники должны будут его отработать)» (21, с. 36).

Но особенно важно, чтобы в Россию обязательно возвращались те 18–25% российских студентов, которые обучаются за рубежом и которые изначально связывают свое будущее с Россией (35, с. 100). Именно на них должны быть в первую очередь ориентированы программы возвращения интеллектуальных ресурсов в Россию, о которых было сказано выше.

Очевидно, что сохранению и даже приумножению интеллектуального, а также демографического потенциалов способствовало бы возвращение эмигрантов. Вопреки ожиданиям, как уже отмечалось, таких людей пока немного, но они все же есть. Утверждается даже, что на родину «возвращаются и продолжают дома свои исследования многие ученые, обогащая страну получаемыми в ходе международного сотрудничества новыми разработками и свежими идеями» (20, с. 34). Более конкретны сведения о возвращении бывших репатриантов из Израиля. Сначала в 1995–1998 гг. вернулись те, кому в Израиле оказалось «мало места», их привлекал тогдашний «русский размах» деловой жизни. А в 2000–2004 гг. стали возвращаться неустроившиеся в Израиле; нередко они ехали с расчетом на новые рабочие места, созданные теми, кто был в первой реэмигантской волне (59, с. 52). Существенным побудительным мотивом к возвращению служит продолжающийся арабо-израильский конфликт, в результате которого безопасность «в пределах государственных границ им [евреям] не гарантирована, и они, даже находясь совсем недалеко от дома, вполне могут стать жертвой боевых действий» (62, с. 203). Важной причиной к возвращению служит то, что многие русские евреи, представляющие собой отдельную субкультуру (А. Гуревич вообще рассматривает их в качестве субэтноса русского этноса), испытывают ностальгию по реальной родине. Для них «своя родина роднее исторической» (59, с. 52).

По оценкам социального психолога Э. Фельдмана (Израиль), среди молодых русскоязычных израильтян о движении обратно в Россию думают около 29% представителей этой части населения. «По его словам, главная причина, по которой происходит их возврат в Россию, – мысль о том, что жизнь там даст им больше экономических и карьерных возможностей» (62, с. 203). Согласно данным исследования, проведенного в августе 2005 г. среди живущих в Израиле выходцев из СССР/СНГ, 19,4% опрошенных отри-

цательно ответили на вопрос о репатриации, если бы ее пришлось совершить вновь; 13,7 – положительно ответили на вопрос о возвращении, если бы им предоставили жилье, работу и социальные гарантии, а еще 8,7% не исключили такой возможности (62, с. 203).

В ситуации, когда замещающая иммиграция не оставляет широких возможностей для маневра, политика России должна строиться с учетом факторов, влияющих как на продолжение, тем более усиление эмиграции, так и на ее сдерживание и минимизацию.

Факторы сдерживания и факторы усиления эмиграции на перспективу

Обе группы факторов могут представлять собой совокупность причин как внешнего (по отношению к России), так и внутреннего характера и отличаться продолжительностью действия. В настоящее время существует немало внешних ограничителей и одновременно стимулов длительного действия, обусловленных в первую очередь иммиграционной политикой принимающих стран или же спецификой местных рынков труда. Так, практически во всех развитых странах (кроме Израиля и в определенной степени Канады) можно отметить наличие тенденции к ограничению возвращения бывших репатриантов из Израиля. По данным ЦСУ Израиля, в страны бывшего СССР уже вернулись около 70 тыс. человек, из них порядка 50 тыс. – в Россию. Можно отметить наличие тенденции к ограничению, даже недопущению въезда лиц ненужных профессий и, напротив, к поощрению въезда тех, кто нужен по своим профессиональным признакам – ученых и специалистов высшей квалификации, квалифицированных рабочих определенных профессий, которых готовы принимать вне зависимости от экономической ситуации. М. Боровик и Л. Шемберко, отмечая намерение Европейского союза внедрить иммиграционную модель, аналогичную действующей в США системе «Грин-карт», дающую право на постоянное жительство и право на работу, подчеркивают, что в случае ее внедрения в соответствии с нормами, установленными Европейской комиссией по иммиграции, фактически будет разрешаться «въезд лиц только тех профессий, которые являются дефицитными» (4, с. 15). Но даже если речь будет идти только о дефицитных профессиях, размеры спроса могут быть весьма велики. Так, на начало XXI в. дефицит ЕС только в специалистах по информационным технологиям оценивался в 1,7 млн. человек (67, с. 41).

В целом, если говорить об основных четырех категориях мигрантов – интеллектуалах, экономических мигрантах, воссоединяющихся членах семей, беженцах и нелегальных мигрантах, – можно отметить очевидное стремление поощрять въезд интеллектуалов и экономических мигрантов и одновременно ограничивать въезд мигрантов других категорий, в особенности беженцев и нелегалов.

Действенным, сдерживающим фактором на ближайшую перспективу могут стать ограничения, которые страны Западной Европы ввели на иммиграцию из стран Восточной Европы и Балтии с момента вступления последних в Европейский союз 1 мая 2004 г. В среднем ограничения могут действовать от двух (Швеция) до семи лет (Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Дания, Ирландия) и даже 11 лет (Австрия, Германия, Италия, Франция). В реальной жизни, скорее всего, эти моратории долго не просуществуют. Так, уже вскоре после принятия решения об ограничении въезда парламент Швеции стал обсуждать возможность отказа от двухлетнего плана закрытия рынка труда для граждан из вновь принятых в ЕС стран. Скорее всего потребности экономики заставят политиков повсеместно отказываться от намеченных ограничений или сокращать сроки их действия. Но для выходцев из России это в любом случае будет означать обострение конкуренции на западноевропейских рынках труда, поскольку по чисто политическим соображениям предпочтение будет отдаваться новым гражданам ЕС (49, с. 46).

Одним из способов ограничения массовой иммиграции, применяемым, в частности, в Германии, является организация для потенциальных мигрантов стажировок и курсов, позволяющих проводить среди желающих занять вакантные места своего рода «естественный отбор», сочетающий в себе проверку как профессиональных, так и адаптационных возможностей претендентов. Еще одним вариантом является финансирование создания рабочих мест в приграничных районах соседних стран, откуда могут следовать потоки мигрантов. Подобную практику можно наблюдать в Карелии, где Финляндия стремится создавать дополнительные рабочие места в лесной промышленности. Чтобы ограничить приток этнических немцев из Сибири, правительство Германии предпринимало меры к тому, чтобы те оставались на местах, опять-таки финансируя создание необходимых рабочих мест. Оно же не оставляет надежд на восстановление в России немецкой автономии, оказывая в этом отношении политическое давление на РФ. Подобный экспорт рабочих мест сокращает объемы иммиграции определенных категорий ра-

ботников и применительно к России может получить дальнейшее развитие в силу своей экономической привлекательности.

Однако исторически более распространенной формой государственного регулирования иммиграции всегда было и остается квотирование. Что касается Европейского союза, в ближайшие годы здесь не намерены вводить какие-либо общеевропейские ограничения, и каждая страна вправе сама решать, сколько и каких иммигрантов она будет ежегодно принимать (4, с. 15). В данном случае многое зависит от экономической конъюнктуры и спроса со стороны рынка труда. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на возможность жесткого использования квот, как это имеет место в Германии в отношении этнических немцев: за последние годы квота для них пересматривалась уже несколько раз в сторону сокращения. Ограничения на въезд могут вводиться и по политическим соображениям. Так, в конце 2004 г. Германия под давлением Израиля, который хотел бы направить группу иммигрантов из Украины и России к себе, на неопределенное время отложила въезд 27 тыс. евреев (53, с. 7).

Среди ограничивающих иммиграцию мероприятий с различными сроками воздействия можно отметить проведение некоторыми странами, в частности Великобританией, политики мобилизации «внутренних трудовых ресурсов» в виде повышения пенсионного возраста, а также привлечения к работе в малопrestижных видах занятости безработных или неработающих лиц коренной национальности. По данным, приводимым Ж. Медведевым, в бюджетной сфере Великобритании выход на пенсию не в 60, а в 65 лет уже давно практикуется среди научных работников и профессоров университетов, что снижает потребность в привлечении кадров высшей квалификации в сферу образования из-за рубежа. При наличии желания профессора американских университетов могут продолжать работать после наступления пенсионного возраста до тех пор, пока позволяет здоровье, что дает аналогичный эффект (39, с. 187).

Среди прочих ограничений на пути интеллектуальной и другой трудовой миграции можно также назвать: лимитированное количество бессрочных контрактов, на которые могут рассчитывать иностранные ученые и специалисты даже высокого уровня и трудности с их получением; распространенную в ряде стран дискриминацию по национальному признаку, лишающую иммигрантов шансов занять хорошее место; очевидное недовольство коренного населения напльвом африканцев, афроазиатов и восточноевропейцев, заставляющее запад-

ных политиков считаться с возможным поправлением избирателей и систематически ужесточать условия приема иммигрантов.

Если обратиться к внутренним ограничителям, главным из них следует признать несоответствие уровня квалификации многих категорий потенциальных мигрантов из России западным профессиональным стандартам. В числе профессий, представители которых могут безболезненно пробиться на Запад, называются такие, как космическая и лазерная техника, кристаллография, биология, физика низких температур, математика, компьютерная технология и программное обеспечение ЭВМ (68, с. 28). В работе О. Жареновой и ее коллег этот список расширяется за счет генетиков, химиков, врачей, а также, но в очень ограниченной мере, филологов, философов, юристов и социологов. Практически не пользуются спросом отечественные экономисты, что по-своему символично (20, с. 24). Зная об этом списке, можно всерьез задуматься о целесообразности подвергать себя многообразным рискам.

Другим существенным ограничителем возможностей выезда за рубеж является незнание или слабое знание иностранного, в первую очередь английского, языка, что делает российских ученых неконкурентоспособными, особенно в области университетского образования. Наконец, имеет место совокупность факторов социального и психологического характера, включая опасения по поводу сложности чисто технических и процедурных вопросов выезда за рубеж, способность прижиться за рубежом, нехватка денежных средств на переезд, просто семейные обстоятельства, опасения ксенофобии (20, с. 24–27).

Если перейти к факторам, способствующим усилению эмиграции, следует отметить, что, несмотря на стремление и в ряде случаев на необходимость ограничения иммиграции, очевидно, что для развитых стран Запада все более предпочтительной, даже вынужденной, становится не политика усиления мер по ограничению иммиграции, а политика выработки гибких стратегий управления миграционными процессами (4, с. 15). Причина для подобного шага заключается в том, что начиная с 2006 г. данная группа стран вступит в продолжительный, длящийся примерно 15 лет период массового достижения пенсионного возраста когортами родившихся во время послевоенного компенсационного бума рождаемости 1945–1960 гг. Масштабы этого явления таковы, что вместить предстоящее сокращение численности трудоспособного населения без импорта трудовых ресурсов и населения практически невозможно. В 2001 г. доля пенсионеров в составе населения Велико-

британии равнялась 20,9%, Франции – 21,3, Германии – 22,9, Италии 23,9%, тогда как в 2000 г. в той же Великобритании число 35–39-летних составило 4,8 млн. человек, а 20–24-летних – 3,5 млн. человек или на 1,3 млн. человек меньше. В Германии разница между поколениями тех же возрастов достигала 2,9 млн. человек (39, с. 183, 188). Предстоящий рост численности пенсионеров еще более драматизирует ситуацию. Согласно прогнозам (до 2050 г.), в этой четверке крупнейших западноевропейских стран порог 80-летия перешагнут свыше 10% от общей численности населения. Число же тех, кто будет содержать пенсионеров, сократится с нынешних четырех-пяти человек до двух в расчете на одного пенсионера (50, с. 100; 77, с. 30).

Чтобы избежать ситуации, грозящей катастрофическим падением уровня жизни и тех и других, и сохранить существующее соотношение между экономически активной и неактивной частями населения, только в страны ЕС нужно будет ежегодно ввозить около 12,7 млн. иностранцев (77, с. 31). Цифра немыслимая, но вместе с тем означающая, что, стремясь предельно ограничить приток беженцев и нелегалов, развитые страны Запада будут одновременно всячески форсировать приток легальных иммигрантов. За их счет будет идти не только пополнение рядов интеллектуалов и высококвалифицированных рабочих, но и работников таких массовых, но непопулярных и низкооплачиваемых профессий, как медицинские сестры и санитары, школьные учителя, работники коммунальных служб, горничные в отелях, официанты, сельскохозяйственные и строительные рабочие и многие другие (39, с. 189).

В миграционной политике развитых стран вполне возможен и, скорее всего, неизбежен еще один чрезвычайно важный поворот. Дело в том, что появляется все больше свидетельств серьезности намерений европейцев попытаться с помощью либо политики предпочтений, либо квотирования изменить в свою пользу неблагоприятно складывающееся соотношение между коренными европейцами и выходцами из мусульманских стран. В научный оборот уже вводится информация о том, что с учетом исламского фактора в Западной Европе готовы пойти на такое изменение миграционного вектора, когда иммигранты станут поступать туда не из Северной Африки и Ближнего Востока, а преимущественно из стран Восточной Европы и Латинской Америки (41, с. 43). О том, что подобная политика уже претворяется в жизнь, свидетельствует Ж. Медведев, утверждая, что в Великобританию, например, «широко осуществляется иммиграция молодых, квалифици-

рованных и высокообразованных рабочих, но уже не из Азии и Африки, как ранее, а из районов Восточной Европы. Иммигранты, принадлежащие к другим расам и исповедующие другие религии, как показал опыт, плохо ассимилировались в европейскую цивилизацию» (39, с. 179). Он же отмечает, что, хотя точные цифры славянской иммиграции последних лет в ЕС, а также США пока отсутствуют, тем не менее «формирование русской диаспоры в Западной Европе достаточно заметно. Первыми стали прибывать относительно состоятельные «новые русские» и научные работники, не нашедшие себе применения на родине. Затем, уже по иммиграционной вербовке, пошли программисты, служащие банков и экспортно-импортных компаний, работники представительств российских нефтяных компаний» (21, с. 34; 39, с. 189–190). В связи с усилением миграции из Восточной Европы возникли специализированные юридические агентства, ведущие там, в том числе в России, организованную вербовку работников нужных профессий. Эти агентства можно отнести к числу институциональных факторов будущей масштабной эмиграции.

Рассмотренные изменения в миграционной политике западных стран, ведущие к возникновению очередного всплеска, возможно, уже не четвертой, а пятой волны эмиграции, могут иметь для России самые неблагоприятные и тяжелые последствия, особенно в связи с тем, что в ближайшие годы Россию также ожидает нарастающий дефицит трудовых ресурсов. «Можно с уверенностью сказать, – пишет Ж. Зайончковская, – что самым дефицитным ресурсом страны в ближайшей перспективе будет труд. Не нефть, не газ, не деньги, а труд, особенно квалифицированный» (21, с. 34). Чтобы упредить развитие событий в направлении дальнейшего усиления эмиграции, необходимо предпринимать самые энергичные превентивные меры в виде существенного повышения уровня заработной платы, а также общих доходов работников, в первую очередь тех профессий, которые в настоящее время представляют наибольший интерес для иностранных вербовщиков. Подобная гибкая политика сдерживания эмиграции наряду с постоянным мониторингом изменения спроса на рынках труда хотя бы ведущих развитых стран должна стать составной частью общей миграционной политики государства. Одновременно должны всячески поощряться усилия тех предпринимателей, кто создает, в отличие от сырьевиков, массовые рабочие места для коренного населения. Необходимо последовательное и значительное сокращение безработицы.

Заключение

Рассмотренные в обзоре оценки и суждения отечественных и зарубежных авторов, в той или иной степени затрагивающие вопросы эмиграции и связанные с нею проблемы, свидетельствуют о том, что в целом интерес к данному кругу проблем неуклонно растет. Их восприятие становится более углубленным и реалистичным. Более того, многое из происходящего начинает восприниматься не как некий политизированный «алармизм» начального периода реформ, но как реальная действительность, связанная с той ролью, которая отведена России в международном разделении труда и в мировых миграционных потоках. Идет очевидный процесс накопления знаний, в научный оборот вовлекаются все новые эмпирические данные.

Среди основных достижений рассматриваемого периода можно отметить: сложившееся понимание наличия множественности форм безвозвратной миграции, не ограничивающееся отныне одним только традиционным выездом за рубеж на ПМЖ, что обобщено Юдиной (81, с. 229–231); осознание факта значительной недооценки масштабов эмиграции в официальной статистике (33, с. 23–27; 78, с. 176–190), равно как и понимание того факта, что «наведение порядка в статистическом учете» является одной из приоритетных задач нашего времени (60, с. 66); констатацию факта омоложения эмиграции (по крайней мере, интеллектуальный эмиграции), что самым серьезным образом подрывает отечественную науку и поднимает данную проблему до уровня проблемы национальной безопасности (32, с. 66–76; 33, с. 23–27; 34, с. 54–57); осознание факта, что под видом трудовой миграции, туристических и деловых поездок в действительности происходит бизнес-эмиграция, с которой связан не только отток капиталов и их владельцев, но и части интеллектуалов, занимающихся обслуживанием финансовых потоков. Пока что данное направление эмиграции освещается преимущественно средствами массовой информации, но понимание сущности процесса имеет место и в научной среде (25, с. 322; 42, с. 111). Отмечается, что возможность эмигрировать по категории инвесторов, приобретая в зарубежных странах бизнес и недвижимость, стала очевидной реальностью. В частности, в условиях отсутствия официальной статистики, но на основании данных посреднических фирм, делается вывод, что в современной, преимущественно русской эмиграции на долю бизнес-эмиграции

приходится не менее половины эмигрантов (27, с. 67). Приходит осознание факта наличия в составе трудовой миграции значительной специфической женской эмиграции, которая может быть лишь формально отнесена к трудовой. Какой бы характер данный вид эмиграции – вынужденный, принудительный или же добровольный – ни носил, вовлечение массы женщин в секс-услуги за рубежом означает, по сути дела, почти гарантированную утрату заметной части генофонда, поскольку речь в данном случае идет о наиболее молодых и репродуктивных женских возрастах (58, с. 29; 61, с. 70–79; 65, с. 45, 197–198).

В целом, если сравнить нынешнюю ситуацию с ее изученностью на момент написания известной монографии Е. Красинца (30, с. 19), можно отметить, как очевидный позитивный сдвиг тот факт, что восприятие эмиграции как социально-экономического, политического и демографического явления стало более однородным и концентрированным, чем то ее фрагментарное восприятие, о котором писал упомянутый автор: «Немногочисленные и фрагментарные исследования пока не сформировались в самостоятельное направление отечественной науки со своим специфическим объектом и методами изучения» (30, с. 5). Несмотря на ограниченность и неполноту официальной статистики, можно говорить об успешной работе уже нескольких научных школ (81, с. 164–170). Не отдавая никому предпочтения в плане продвинутости и обоснованности проводимых исследований и делаемых из них выводов, следует отметить, что все эти школы пока не выделяют эмиграцию в отдельную отрасль знаний, хотя в условиях острого демографического кризиса и депопуляции это следовало бы сделать ради получения более точных ориентиров при прогнозировании численности населения РФ на перспективу.

Возможно, что в данном случае сказывается определенное недопонимание, вернее, еще не пришедшее осознание того факта, что возможные колебания эмиграционного потока, порождающие надежду, что когда-нибудь эмиграция либо полностью прекратится, либо будет играть крайне незначительную роль, в действительности лишь маскирует собой определенную константу, определенный размер эмиграции, который невозможно отменить и который как бы предписан России, с тех пор как она попала в сферу влияния Pax Americana, в котором в обмен на допуск в «свободный рынок» ей приходится платить (аналогично тому, как это делают и Германия, и Великобритания, и Франция, и другие развитые страны в

обмен на защиту от «международного терроризма») определенную дань «серым веществом». Тем самым США стремятся обеспечить себе интеллектуальное превосходство в современном мире информационных и иных высоких технологий. Размер этой дани станет тем меньше, чем скорее Россия за счет развития этих самых технологий, а не только с помощью одной лишь «трубы», в которую в конце концов можно благополучно вылететь, сможет укрепить свои позиции в мировой экономике.

По оценке ректора МГУ В. Садовничего, за 90-е годы Россия уже утратила треть своего интеллектуального потенциала (20, с. 53). «Если оценить “плюсы” и “минусы” интеллектуальной эмиграции из России, – констатирует В. Супян, – то, по нашему мнению, на нынешнем этапе негативные ее последствия явно преувеличивают над возможными положительными эффектами» (68, с. 29). Простая экстраполяция упомянутой выше оценки потерь интеллектуального потенциала означала бы, что при прочих равных условиях уже к 2020 г. Россия может превратиться в страну с преимущественно малообразованным населением, неконкурентоспособную и обреченную на зависимое экономическое и политическое развитие. Но даже если положение будет каким-то образом исправлено, все равно ситуация, в какой сейчас оказалась Россия, предполагает максимальное сокращение утечки высококвалифицированных кадров, поскольку эмиграция означает прощание с надеждами на превращение страны в процветающее государство.

Список литературы

1. Бейлз К. Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике. – М., 2006. – 304 с.
2. Борисов С. Раньше малому бизнесу нужна была поддержка, теперь – опора // Человек и труд. – М., 2003. – № 7. – С. 4–9.
3. Боровик М., Шемберко Л. Европейский вектор современной российской эмиграции: Проблемы безопасности // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – М., 2005. – Вып. 15. – С. 15–20.
4. Боровик М., Шемберко Л. Стратегии формирования иммиграционной политики ЕС // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – М., 2006. – Вып. 5 (21). – С. 12–15.
5. Бутов В. Демография: Учеб. пособие. – М.; Ростов н/Д, 2003.– 592 с.
6. Вихтерих К. Женщины в условиях глобализации. – М., 2005. – 151 с.

7. Владимирова М. Иммиграция и многокультурность канадского общества // США и Канада. Политика. Культура. Экономика – М., 2006. – № 5. – С. 88–100.
8. Водопьянова Е. Европа и Россия на карте мировой науки. – М., 2002. – 221 с.
9. Воробьева О. Миграционная политика и права человека // Народонаселение. – М., 2004. – № 3. – С. 116–123.
10. Гельбрас В. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. – М., 2004. – № 4. – С. 105–116.
11. Гельбрас В. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – М., 2004. – 203 с.
12. Глазьев С. Выбор будущего. – М., 2005. – 352 с.
13. Громов А. Миграционная политика в современной России: Опыт и перспективы. – М., 2004. – 24 с.
14. Гулютин А., Аркан Ж. Как вкладывают деньги за рубеж // Аргументы и время. – М., 2006. – 20 июля. – С. 7.
15. Гуревич А. Мотивация эмиграции. – СПб., 2005. – 272 с.
16. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. Вишневского А.Г. – М., 2006. – 608 с.
17. Демографический ежегодник России, 2005; Стат.сб. / Росстат. – М., 2005. – 595 с.
- 17а. Докучаев Д. Беги, рубль, беги // Московские новости. – М., 2004. – 8–14 окт. – № 38. – С. 11.
18. Докучаев Д. Капиталы ищут вход // Московские новости. – М., 2006. – 9–15 июня. – № 21. – С. 17.
19. Дубсон Б. Богатство и бедность в Израиле. Израильское общество в XXI веке. – М., 2004. – 368 с.
20. Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. – М., 2002. – 128 с.
21. Зайончковская Ж. Миграционная ситуация в современной России // Человек и труд. – М., 2005. – № 6. – С. 31–37.
22. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции // Pro et contra. – М., 2005. – № 3. – С. 72–87.
23. Иваницкий А. Диаспора небеспокойная и неисчислимая // Газета. – М., 2006. – 28 авг. – С. 6–7.
24. Ионцев В. Международная миграция в России: 10 лет после Каира // Народонаселение. – М., 2004. – № 3. – С. 97–105.
25. Ионцев В. Экономические и демографические аспекты «внешней» миграции населения в России / Эмиграция и депатриация в России: Гл. ред. и сост. Бондарев А.А. – М., 2001. – С. 293–391.
26. Ионцев В., Ивахнюк И. Международная миграция населения в России на рубеже XX–XXI веков // Международная экономика. – М., 2005. – № 1. – С. 47–62.
27. Ионцев В., Ивахнюк И. Международная миграция населения в России на рубеже XX–XXI веков // Международная экономика. – М., 2005. – № 2. – С. 63–80.

28. Кива А. Научимся ли мы жить своим умом? // Россия. – М., 2006. – 2–8 нояб. – С. 4.
29. Кравченко И. Последние из высочан // Аргументы недели. – М., 2006. – 14 сент. – С. 5.
30. Красинец Е. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. – М., 1997. – 192 с.
31. Лебедева Н. Русская эмиграция в зеркале психологии. Эмиграция и депатриация в России / Гл. ред. и сост. Бондарев А.А. – М., 2001. – С. 103–224.
32. Леденева Л. Кадровый потенциал российской науки. Судьбы и перспективы // Свободная мысль – XXI. – М., 2004. – № 10. – С.66–76.
33. Леденева Л., Некипелова Е. Миграция выпускников вузов за рубеж – потеря для российской науки // Человек и труд. – М., 2003. – № 5. – С. 23–27.
34. Леденева Л., Тюрюканова Е. Российские студенты за рубежом: Их профессионально-миграционные стратегии // Человек и труд. – М., 2003. – № 4. – С. 54–57.
35. Леденева Л., Тюрюканова Е. Российские студенты за рубежом: Перспективы возвращения в Россию. – М., 2002. – 140 с.
36. Малеева Т. Мигранты в законе // Московские новости. – М., 2006. – 9–15 июня. – № 21. – С. 16.
37. Маркиш Д. Левантийцы или европейцы? // Еврейское слово. – М., 2006. – 30 авг. – 5 сент. – С. 5.
38. Маховская О. Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж: (Психологическое эссе). – М., 2003. – 144 с.
39. Медведев Ж. Долгожительство и рыночная экономика // ЭКО. Всеросс. экон. журнал. – Новосибирск, 2005. – № 3. – С. 178–190.
40. Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. – М., 2005. – 351 с.
41. Назарова Е. Миграционная политика требует коренного пересмотра // Российская Федерация сегодня. – М., 2006. – № 4. – С. 43.
42. Население России, 1998. Шестой ежегодный демографический доклад / Под ред. Вишневского А.Г. – М., 1999. – 144 с.
43. Наумова Т. Научная эмиграция из России // Свободная мысль – XXI. – М., 2004. – № 3. – С. 120–130.
44. Научные организации вне закона // Научное сообщество. – М., 2005. – № 3. – С. 6–9.
45. Нитобург Э. Евреи в Америке на исходе XX века. – М., 1996. – 128 с.
46. Огнева Е. Дипломаты шиковали на деньги российских туристов // Газета. – М., 2006. – 18–20 авг. – С. 16.
47. Орешкин В. Россия и международная миграция трудовых ресурсов // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 3. – С. 74–80.
48. Отчет о выполнении положений Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: Российская Федерация / НПО «Центральноевроп. и евроазиат. законодат. инициатива» (CEELI). – М., 2006. – 184 с.

49. Пальников М. Российская эмиграция в Европу: Оценки и перспективы // Россия и современный мир. – М., 2006. – № 4. – С.28–50.
50. Пальников М. Новое переселение народов: Фатальный вызов? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2006. – № 7. – С. 97–108.
51. Паникин А. Человек и государство. – М., 1999. – 80 с.
52. Петраков М. Лихорадка приобретения // Газета. – М., 2006. – 3 авг. – С. 15.
53. Полян П. Конец одной эмиграции. Или двух? // Еврейское слово. – М., 2005. – 12–18 янв. – С. 6–7.
54. Получить диплом – и... в Париж // Литературная газета. – М., 2006. – 24–30 мая. – № 20. – С. 4.
55. Почему в Египте появляются русские жены // Русский Newsweek. – М., 2006. – 22–28 мая. – № 19. – С. 68–69.
56. Прусс И. Мозги утекают навсегда. Можно ли повернуть вспять поток интеллектуальной эмиграции? // Наше время. – М., 2006. – 13–19 дек. – С. 16–17.
57. Регент Т., Архипов Ю. Миграция населения. – М., 2001. – Вып. 4: Система иммиграционного контроля. – 160 с.
58. Рыбаковский Л., Рязанцев С. Международная миграция в Российской Федерации: научный доклад. – М., 2005. – 53 с.
59. Рыклина В. Россия обетованная // Русский Newsweek. – М., 2005. – 21–27 февр. – С. 50–52.
60. Рязанцев С. Трудовая миграция в СНГ: Тенденции и проблемы регулирования // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2005. – № 11. – С. 65–69.
61. Рязанцев С., Ткаченко М. Актуальные проблемы международной трудовой миграции женщин из России // Международная экономика. – М., 2005. – № 3. – С. 70–79.
62. Саноян Д., Эпштейн А. Новые «постсионистские» диаспоры: Израильяне в зарубежных странах // Диаспоры. – М., 2006. – № 1. – С. 200–223.
63. Социально-экономические проблемы миграции в современной России: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН; Отв. ред. и сост. Былов В.Г. – М., 2003. – 160 с.
64. Statistical abstract of the United States: 2004–2005 / U.S. Census bureau. – Wash. D.C., 2004. – 1006 с.
65. Стратегия демографического развития России / РАН. Ин-т социал.-полит. исследований; Под ред.: Кузнецова В.Н., Рыбаковского Л.Л. – М., 2005. – 206 с.
66. Стрельцова Я. Миграционные процессы в России (конец 1990-х годов) // Россия и современный мир. – М., 2001. – № 4. – С. 160–169.
67. Супян В. «Утечка умов»: Мировые и российские тенденции // Человек и труд. – М., 2003. – № 7. – С. 40–43.
68. Супян В. «Утечка умов»: Мировые и российские тенденции // Человек и труд. – М., 2003. – № 8. – С. 27–29.

69. Супян В. Иммиграция и экономика // США и Канада. Политика. Культура. Экономика. – М., 2006. – № 5. – С. 3–14.
- 69а. Топихин А., Малаха И. Миграция высококвалифицированных кадров // Народо-население. – М., 2002. – №2. – С. 62–76.
70. Трухина Я. Португалия – новое направление трудовой миграции россиян // Человек и труд. – М., 2003. – № 10. – С. 20–22.
71. Трухина Я. Потенциал трудовой миграции из России в страны Южной Европы // Человек и труд. – М., 2004. – № 8. – С. 24–26.
72. Тюрюканова Е. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. – М., 2005. – № 1. – С. 48–64.
73. Урнов М., Касамара В. Современная Россия: Вызовы и ответы: Сб. материалов. – М., 2005. – 240 с.
74. Федоров В. Россия: Внутренние и внешние опасности. – М., 2005. – 382 с.
75. Федоров Н. Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в германское общество. – М., 1998. – 106 с.
76. Федорченко А. Экономика переселенческого общества: (Израильская модель). – М., 1998. – 372 с.
77. Цапенко И. Роль иммиграции в экономике развитых стран // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 5. – С. 27–39.
- 77а. Черкасов А. Как и о чем говорят в Канаде (рецензия) // США и Канада. Политика. Культура. Экономика. – М., 2006. – № 1. – С. 120–122.
78. Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. – М., 2004. – № 4. – С. 176–190.
79. Чудиновских О., Денисенко М., Донец Е. Миграционные намерения выпускников высших учебных заведений. – М., 2003. – 116 с.
80. Шкаровская В. Сколько получает инженер? Аргументы и факты. – М., 2002. – № 23. – С. 9.
81. Юдина Т. Социология миграции. Учеб. пособие для вузов. – М., 2006. – 272 с.